

АНДРЕЙ ВОРОНИН

ГЛАДИАТОР

МУ-МУ

Му-Му

Андрей Воронин
Муму. Гладиатор

«ХАРВЕСТ»

2012

УДК 882(476)
ББК 84(4Бей-Рус)

Воронин А. Н.

Муму. Гладиатор / А. Н. Воронин — «ХАРВЕСТ», 2012 — (Му-Му)

ISBN 978-985-18-0686-3

Из Третьяковской галереи похищена знаменитая икона Андрея Рублева «Троица». К изумлению молодого ученого-искусствоведа, полиция обнаруживает эту икону в багажнике его автомобиля. Осужден абсолютно безвинный человек. Его убитая горем жена в полном отчаянии пытается покончить жизнь самоубийством, но от последнего, самого страшного шага ее удерживает совершенно случайно оказавшийся поблизости бывший каскадер Сергей Дорогин. Услышав от женщины ее трагическую историю, Дорогин, как всегда, не может остаться безучастным. Он решает во что бы то ни стало восстановить справедливость...

УДК 882(476)
ББК 84(4Бей-Рус)

ISBN 978-985-18-0686-3

© Воронин А. Н., 2012
© ХАРВЕСТ, 2012

Содержание

Пролог	6
Глава первая	8
Глава вторая	14
Глава третья	21
Глава четвертая	25
Глава пятая	31
Глава шестая	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Андрей Николаевич Воронин

Муму. Гладиатор

© Харвест, 2012

Пролог

Говорят, что в музеях обитают призраки. И когда расходятся посетители, когда в залах выключается свет, когда входная дверь наглухо закрывается, а объект сдается на сигнализацию, призраки выползают из своих укрытий и устраивают вечеринки.

Семен Парин в эти сказки не верил. Он считал, что подобные легенды могут заманить только легковых туристов и ушлых журналистов.

О том, что происходит в музеях в ночное время, Парин знал лучше, чем кто-либо другой. Музейным сторожем он отработал больше тридцати лет, и, если бы эти призраки водились на самом деле, он бы рано или поздно повстречал хотя бы одного из них.

За все годы его работы случилось только одно чрезвычайное происшествие. В Музее Революции, где он тогда работал, посреди ночи вдруг раздалась нецензурная брань. Случилось это в той части экспозиции, которая была посвящена самому Ильичу, причем в ночь 7 ноября. Впрочем, разгадка тайны не заставила себя ждать. Вечером сотрудники музея отмечали великий праздник, разумеется, прямо на рабочем месте. Замдиректора по научной части немного не рассчитал свои силы, и покинуть свой кабинет без посторонней помощи он уже не мог. Вынос грузного тела на улицу мог закончиться скандалом и последующим за ним пропесочиванием на партсобраниях.

Коллеги решили оставить дрова в лесу, а сами отправились по домам. Замдиректора проснулся посреди ночи в своем кабинете с твердым желанием опохмелиться. Он открыл дверь и отправился на поиски магазина, совершенно не понимая, где находится.

...В тот октябрьский вечер Парин в тысячный раз рассказывал свою бородатую историю двадцатилетней давности очередному слушателю. В штат охраны Третьяковской галереи, где трудился Парин, зачислили нового сотрудника, уже не молодого, но пока еще зеленого.

Рослый лысый Лукотин пришел в сторожа из какой-то охранной фирмы. Это был здоровый и уверенный в себе мужик, но в его трудовой книжке значились лишь самые низкооплачиваемые работы типа вахтера.

– Странно, что он так и не смог себя реализовать, – думал Парин. – Вот если бы мне сейчас его годы, я бы...

Скорее всего, он бы снова стал музейным сторожем. Парин совершенно не представлял себя в другой ипостаси. И теперь он был рад новой возможности передавать свой богатый опыт. Парин не отставал от новичка ни на шаг и каждую минуту доставал его своими поучениями.

Этот октябрьский вечер начался как обычно. Сначала залы Третьяковки покинули посетители, затем по домам отправились зрители галереи.

– Счастливого дежурства и хороших сновидений! – шутя попрощалась с Лариным Лидия Михайловна, работник древнерусской иконописи. И тут же вдруг спохватилась: – Ой, я же косметичку в подсобке забыла! Ладно, я мигом сбегаю.

«В вашем возрасте, гражданочка, косметичка уже не нужна», – отметил про себя Парин. Через час после закрытия Третьяковка опустела. Теперь полноценными хозяевами всех ее несметных богатств были они, музейные сторожа. Во всем здании остались только три человека.

– Я пойду на первый обход, молодого возьму с собой, а ты, Егор Федорович, поглядывай на мониторы, – распорядился Парин. Этой ночью его назначили начальником смены, и он чувствовал себя здесь царем.

Три человека – это очень мало для такого огромного здания. В свое время штат сторожей был намного больше. Теперь же место людей заняла умная техника – системы видеонаблюдения и сигнализации.

«Ничего не поделаешь, все меняется, – думал во время обхода Парин. – Но разве техника заменит человека? Разве с бездушной машиной можно выпить чаю и обсудить шансы «Зенита» на выход в финал?»

Обход музейных залов был лишь рутинной формальностью. Парин знал, что ничего интересного на пути ему не встретится, но, несмотря на это, выполнял свои обязанности строго по инструкции.

Не обнаружив ни одного призрака, спустя полчаса они с Лукотиным вернулись в свою сторожку, где уже закипал электрочайник. По телевизору шел футбольный матч.

– Теперь можно и почаевичать, – сказал Парин.

Он достал с полки жестяную банку, насыпал в чайничек заварки и залил ее кипятком.

– Я не буду, – сказал Лукотин. – У меня свой пакетик есть.

– Пакетик – это моча, а не чай! – возмутился Парин. – Ты лучше мой попробуй.

– Ну ладно, давай, уговорил, – согласился тот.

Парин насыпал сахару, взял из пакета печенюшку и поудобнее устроился в кресле у телевизора. Как раз в этот момент нападающий «Манчестера» приблизился к воротам противника.

– Итак, напряженный момент... Удар... Нет, очередная промашка, – надрывался телекомментатор.

Парин и не заметил, как выпил чашку до дна.

«Манчестеры» снова пошли в атаку. Но сторожу было уже не до них. С Париним творилось что-то неладное. На часах всего одиннадцать, а его глаза уже начали слипаться.

Ларину казалось, что он проспал всего пару минут, но, когда он проснулся, было уже полтретьего ночи.

Он настороженно огляделся: телевизор выдавал лишь серые полосы, рядом на соседних стульях храпели его товарищи по смене.

Парин сразу бросился проверять, все ли в порядке. Опасения его были напрасными: в музее за это время ничего не произошло. Сигнализация была по-прежнему включена, никаких следов пребывания посторонних. Сторож вернулся и разбудил товарищей.

Но спустя пару минут они уже сидели за столом и пытались найти ответ на вопрос: а что это было? Отчего трое здоровых мужиков отрубались будто по команде?

Лукотин первым понял, в чем дело:

– Слушай, Парин, а что за гадостью ты нас напоил?

– В смысле, какой гадостью?

– Чай у тебя какой-то паленый! От него мы все отрубались!

– Обычный чай. Цейлонский байховый. Я его на рынке покупал.

– И что нам теперь делать прикажешь? Начальству сообщить?

Согласно инструкции именно так сторожа и должны были поступить. Несмотря на то что Парин привык неукоснительно следовать инструкциям, он прекрасно понимал: стоит им признаться в том, что они уснули на работе, – и вся троица отправится гулять с волчьим билетом. На этот раз он решил держать язык за зубами.

«Да никто и не узнает, – оправдывал он сам себя. – Ничего ведь не случилось. А то, что мы вздремнули малек, – это ерунда».

Остаток смены прошел без происшествий. Парин сдал дежурство и отправился домой, в свою тесную «двушку». Жена уже ушла на работу, дочка заночевала у подружки, и никто ему не мог помешать доспать, причем совершенно легально.

Но его сон был прерван самым наглым образом. Как только Парин устроился под одеялом и сомкнул глаза, раздался настойчивый дверной звонок. Парин даже не успел сообразить, ждет ли он гостей, как от мощного удара дверь вылетела из петель и в квартиру ворвались молодчики в форме. Сторож едва успел встать с кровати, как на его запястьях защелкнулись наручники.

Глава первая

От тягостных дум его отвлек резкий свист тормозов. Затем последовали возмущенные реплики и сочная порция мата. Сергей Дорогин машинально обернулся. «Крайслер» размером с танк попытался объехать по крайней правой затормозившую на светофоре дамочку в «матизе». Но столичные проспекты слишком узкие для таких маневров, и танк лишь чудом не выскочил на тротуар.

«Ничего интересного, – вздохнул Дорогин. – Обычная сцена из московской жизни».

В обеденное время центр города напоминал жужжащий улей. Клерки, секретарши, консультанты и прочий офисный планктон на целый час отрывались от своих скал и наслаждались свободным плаваньем. Каждый из них мог рассчитывать на честно заработанный гамбургер и стакан кока-колы.

Дорогин мирно прогуливался в сторону памятника Пушкину. От других пешеходов его отличало только то, что он никуда не спешил. Клерки тем временем переходили на рысь.

«Ага, уже без пятнадцати два, – Дорогин взглянул на часы. – Клеркам пора поторопиться, а то опоздают и не получат премиальные».

Через пятнадцать минут толпа рассосалась. Планктон вернулся в свои офисы. Сергей Дорогин продолжал прогулку в полном одиночестве. Спешить ему было некуда, ни одного дела на сегодня у него не было запланировано. Ни на сегодня, ни на завтра, ни на будущей неделе.

Суэта современного человека обычно связана с добыванием денег. Но Дорогин уже давно забыл, что такое финансовые проблемы. Деньги он брал в тумбочке, вернее, на банковском счете. Ему хватало с лихвой. В быту он был неприветлив и тратил с размахом так и не научился. Такая жизнь была пределом мечтаний любого клерка, но сам Дорогин не чувствовал себя счастливым. Наоборот, иногда он даже завидовал тем, кто спозаранку вскакивал с постели в каких-нибудь Химках, впихивался в потную маршрутку, матерился часок-другой в пробках и все это время думал лишь о том, что сегодня уже среда, а послезавтра – пятница, а в субботу можно и на рыбалку...

«У них, по крайней мере, есть к чему стремиться», – философски отметил Дорогин.

Раньше он никогда не верил в существование кризиса среднего возраста. Ему казалось, что все это придумали прожорливые психологи, как хороший развод для легковых клиентов. Но ровно две недели назад Дорогина ни с того ни с сего накрыл депресняк и отпустить, похоже, не собирался.

«С этим надо что-то делать. Надо срочно придумать себе какое-то занятие. Не тупое и бесполезное хобби, вроде коллекционирования трусиков топ-моделей или охоты на беговых тараканов, а что-нибудь посущественней», – рассуждал Дорогин. Но никаких мыслей на этот счет не приходило.

Завидев вывеску «Шоколадницы», Дорогин решил было заправиться двойным эспрессо. Но тут же вспомнил, что буквально полчаса назад уже выпил кофе и что тонуса напиток, увы, не добавил.

Можно было, конечно, перейти к напиткам покрепче, но Сергей понимал, что в его теперешнем состоянии надо держать себя в руках. Тем более на часах было чуть больше двух.

Продолжая свой моцион, Дорогин даже подумал, грешным делом, вернуться в кино. Позвонить знакомому продюсеру и попросить подыскать для себя работенку, какую-нибудь второстепенную роль, можно даже дублером. Что ни говори, спрос на каскадеров есть всегда, а опыт и навыки бесследно не проходят.

Но с другой стороны, у Дорогина было железное правило: по возможности нигде не светиться. Он прекрасно знал, что в мире есть масса людей, которые мечтают получить его голову

на блюде, разумеется отдельно от тела. Погруженный в свои раздумья, Дорогин не заметил, как добрел до Москвы-реки. С воды потянуло холодом, и он застегнул куртку.

Набережная в этот будний день была пустой. Над причудливым изваянием Петра Великого зависла темная туча. Собирался дождь, и, по-видимому, совсем не весенний. Дорогин медленно побрел к мосту, который виднелся метрах в двухстах, изучая по дороге царапины на асфальте.

– Уважаемый господин, а нельзя ли к вам обратиться? – чей-то хриплый голос вырвал его из оцепенения. – Я, понимаете ли, бывший спортсмен, чемпион мира по баскетболу, у меня вот и медали есть.

Цвет лица чемпиона свидетельствовал о победах в другом виде спорта – литрболе. Дорогин сунул руку в карман куртки, вытащил оттуда первую попавшуюся купюру и не глядя сунул ее бомжу.

– Друг мой, примите от меня сей скромный дар, – промолвил он таким же напускным тоном. – И умоляю, только без благодарностей!

Различив количество нуликов на бумажке, «спортсмен» попытался обнять своего благодетеля. Дорогин отстранил его плавным, но решительным жестом и продолжил свой путь. У самого моста были вполне подходящие для перекура лавочки. Возле одной из них суежилась над коляской мамаша. Сергей грузно рухнул на соседнюю и потянулся в карман за сигаретой.

«И с чего это меня так колбасит? – задал он себе риторический вопрос. – Вроде все идет складно, грех жаловаться... Просто маразм какой-то».

Этот вопрос задавал он себе не в первый раз. Причину своего состояния он пытался объяснить вот уже целую неделю, но ответ напрашивался только один. «Как утверждают святые отцы, лень приводит к унынию», – пронеслось в голове Дорогина. С этой истиной было не поспорить.

Он уже устал от избытка адреналина в крови и давно мечтал о тихой и спокойной жизни. А теперь, когда никакие обстоятельства не мешали ему жить спокойно, на него накатил сплин.

«Может, поехать куда-нибудь? – Сергей продолжал беседу с самим собой. – Сесть на машину – и вперед! В Саяны, Алтай, а может, даже и Владивосток. Жать на газ и ни о чем не думать».

Он уже начал прикидывать маршрут в голове, как вдруг понял, что ему довольно давно надоедает какой-то инородный шум. Доносился он явно из детской коляски. Ребенок разревелся уже на всю катушку. Такие оратории могли звучать только в том случае, если ребенка некому успокаивать.

Сергей вдруг вспомнил те времена, когда он и сам был молодым отцом, но тут же волевым усилием вышвырнул эти воспоминания за пределы черепной коробки. Не хватало еще сейчас бередить старые раны.

– Однако где же мамаша? – пробормотал Дорогин, подняв наконец голову и оглядевшись.

Коляска по-прежнему стояла возле соседней лавки. Но ни одного взрослого в пределах видимости не было – площадка у моста оказалась совершенно пустой.

«Интересное кино! – пожал он плечами. – И что бы это значило? Подкидыш? Или, может, эта дура в киоск за пивом решила сбегать?»

Пронзительный и беззащитный детский плач призывал к действию. Утешить ребенка самому не стоило и пытаться. Дорогин встал со скамьи и отправился на поиски мамыши. Где-то на мосту на сером фоне просматривался женский силуэт. Сергей направился вверх по ступенькам.

В этот самый момент женщина перекинула правую ногу через чугунную ограду моста. Ее рост был слишком маленьким, и преодолеть такое препятствие было ей непросто. Тем не менее спустя пару секунд женщина стояла на узком выступе. Преграды между ней и рекой больше не было.

Дорогин стал лихорадочно вспоминать советы психолога, подходящие для этого случая. Но сразу понял, что никакие методики тут не помогут и действовать придется по наитию.

– Сударыня, простите за мое внезапное вмешательство, – вежливо начал он свою речь, – однако как представитель общества спасателей должен сообщить, что купание в этих местах запрещено.

«Что-то меня сегодня на высокий стиль потянуло, – тут же отметил он. – Фигня выходит какая-то, надо по-другому».

Женщина даже не взглянула в его сторону, глубоко вздохнула и сделала шаг вперед.

В этот самый момент сильная мужская рука мертвой хваткой вцепилась в ее плечо, и тело зависло прямо над рекой.

– Гражданка, я ж вам по-русски сказал: купание запрещено! – рявкнул Дорогин. – Сначала заплатите штраф – 1279 рублей, а потом топитесь себе на здоровье, но так, чтобы я не видел. А то мне премию, на хер, снимут.

Сергей понимал, что убедить словами человека, который решился на последний шаг, у него не получится. Понимал он и то, что медлить нельзя ни секунды. Не ослабляя хватки, он подхватил второй рукой женщину под мышки и резким движением втянул ее обратно на мост.

Пенсионер, который как раз проходил мимо со своей таксой, наблюдал за этой сценой с неподдельным интересом. Дорогин исподлобья на него покосился, и собачник поспешил продолжить свой путь.

– Ребенок... его успокоить надо, – произнес Сергей.

* * *

– Александра. Очень красивое имя. Впрочем, я, наверное, не первый, кто говорит вам такой комплимент. Я Сергей. Будем знакомы.

Лицо женщины по-прежнему было красным от долгих рыданий, которые пришлось выслушать Дорогину. Но истерика осталась позади. Они сидели за столиком в уютной кондитерской, а ребенок мирно спал рядом в своей коляске.

– Позвольте теперь угадать, чем вы занимаетесь? – предложил Сергей, чтобы не дать угаснуть разговору. – Вы преподаватель в вузе? Я прав? Да или нет?

Для того чтобы сделать такой вывод, не надо быть Шерлоком Холмсом. Плащ, серая юбка, отсутствие косметики на лице свидетельствовали о том, что эта дама вряд ли зарабатывала себе на хлеб в стриптиз-клубе. У таких людей, как говорил Глеб Жеглов, высшее образование на лице написано.

– Нет, вы не совсем угадали, – ответила женщина. – Я археолог. Но тоже преподаю немного, только один спецкурс читаю.

На вид женщине было не больше тридцати. Ее нельзя было назвать ни красивой, ни даже привлекательной, но Дорогин все равно ею любовался. Каждый ее жест выдавал породу потомственных московских интеллигентов. В потоках «понаехавших» эта порода почти растворилась.

– Наверное, ваш отец тоже был археологом? – спросил Сергей.

– Вы снова почти угадали, – постаралась улыбнуться она. – Когда он писал диссертацию по культуре Херсонеса в позднеантичном периоде, то действительно принимал участие в раскопках. Хотя по профессии он историк.

– А муж, наверное, искусствовед? – ляпнул Сергей. И тут же понял, что допустил ошибку.

Казалось, еще секунда – и женщина снова забьется в рыданиях. Слезы сами накатывались ей на глаза.

– Мой муж был искусствоведом, – с надрывом произнесла она, делая особый акцент на слове «был». – Он был очень хорошим искусствоведом. Теперь он заключенный. Владимирская колония, усиленный режим...

Дорогин решил сменить тему. Он никогда не отличался особым любопытством и тем более не хотел причинять своей новой знакомой душевные раны. Но когда он открыл рот, чтобы предложить заказать еще кофе, Александра сама начала говорить:

– Конечно, вам интересно узнать мою историю. Что ж, вы ее, наверное, уже слышали. Или читали.

– Простите, я не хочу...

– Помните заголовки в газетах вроде «Сенсационная кража из Третьяковской галереи»?

– Не помню, – признался Сергей. – А что украли?

– Неужели вы не слышали о краже «Троицы»?

И действительно, весть об этом преступлении века достигла ушей даже такого пофигиста, как Дорогин. В конце концов, не каждый ведь день из самого известного музея Москвы крадут самую известную русскую икону. Но какое отношение имела к этой истории интеллигентная серая мышка вместе со своим мужем, явно ей под стать?

– Извините, ну а вы тут при чем? – удивился Дорогин.

– Это случилось в октябре, – продолжала Александра. – Мой муж Андрей тогда работал старшим научным сотрудником в отделе древнерусского искусства. Иконопись Рублева – это тема его диссертации. У Андрея был допуск в залы...

– И он решил взять работу на дом, на выходные? – неловко пошутил Сергей.

Одного взгляда Александры было достаточно, чтобы понять, что шутка ей смешной не показалась.

– Через неделю после кражи мы поехали на дачу к родителям Андрея. В выходной день, разумеется. Был обычный семейный обед на природе. Шашлыки там и все такое... Денек выдался на удивление теплым, бабье лето...

Голос женщины с каждым мгновением становился все более сбивчивым. На пару секунд она даже приумолкла.

– И вдруг нагрянули они... Андрею заломили руки и надели наручники – прямо при ребенке. Его отец возмутился, конечно, да и все остальные тоже. И тогда один из оперов подошел к багажнику нашей доходяги, поднял фанерку... Я это сама видела, так бы просто не поверила. Но глазам своим как же не верить-то...

– Что вы видели? – Дорогин решил вернуть разговор в конструктивное русло.

– «Троицу» Рублева! Она там лежала, прямо в багажнике! Обмотанная какими-то холщовыми тряпками.

Сергей чуть не поперхнулся кофе.

– После этого я видела Андрея только на суде. Ну, дело пошло по накатанной. Милиция отрапортовала о раскрытии преступления, икону вернули в зал. А Андрей чистосердечно признался, что украл икону.

– Может, ему помогли признаться?

Александра наклонилась над столиком и зашептала прямо на ухо Сергею:

– Я просто уверена, что это так. Он мне сам намекал, когда мы виделись в тюрьме. Они его шантажировали. Я как раз была на седьмом месяце, понимаете.

Дорогин нахмурился: «А не бредит ли эта дамочка?» Но, вспомнив обстоятельства их знакомства, отбросил эту версию. По своему опыту Сергей знал, что даже самые неправдоподобные истории иногда случаются на самом деле.

– И каков приговор? – спросил он чисто для проформы.

– Андрея посадили на восемь лет. Все улики были против него. Все до единой. Свидетелем защиты была только я. Мы сражались до последнего, адвокат подавал апелляцию. И вот

как раз сегодня пришел ответ... Это значит... Это значит, что Андрюшу я никогда больше не увижу. Никогда, понимаете!

Александра потянулась в сумочку за носовым платком. Сергей чуть слышно хмыкнул. «Так вот зачем дамочка с моста шагнула», – резюмировал он.

Повисла пауза. Дорогин предложил Александре выпить по рюмке коньяку. Она отказалась, и Дорогин заказал себе сразу двойную дозу.

– Один вопрос, – нарушил он молчание. – Скажите, а вы... только прошу вас, не обижайтесь. Даете слово, что не будете обижаться?

– Как получится.

– Вы точно убеждены, что это не Андрей?

Официантка подарила Александре спасительную паузу. Поблагодарив ее за коньяк, Дорогин тут же сделал большой глоток и повторил вопрос.

– А вам зачем это? – слегка повысила голос женщина.

– Вопросом на вопрос отвечают только в Одессе, – парировал Дорогин.

Александра вздохнула. Она уже и сама была не рада, что излила душу какому-то незнакомцу, первому встречному.

– Да, я убеждена в том, что он невиновен, – отчеканила Александра. – Могу объяснить почему.

– Будьте любезны.

– Икона пропала 6 октября прошлого года. Или, вернее, в ночь на 6 октября. А пятого как раз годовщина нашей свадьбы, и мы ее решили отпраздновать вдвоем. Даже Петенька – наш старший – ночевал у бабушки. И всю ночь мы были дома вдвоем, понимаете? Но на суде мои показания никто не слушал. Понятное дело, жена обеспечила мужу алиби. Тем более остальные свидетели говорили о другом.

Сергей снова призадумался. Верить Александре или нет? В своей жизни он так часто брал на себя роль судьи, что просто не мог избежать ошибок. Увеличивать их число не хотелось.

– То есть, если я правильно понимаю, – начал он рассуждать вслух, – кто-то крадет икону Рублева и зачем-то подсовывает ее вашему мужу. Менты боятся громкого глухаря и, чтобы побыстрее сдать дело в архив, выбивают у него чистосердечное признание. Только вот вопрос: кому это надо? У вас есть какие-нибудь версии?

Дорогин одним махом опустошил рюмку и снова подозвал официантку.

– Да я до сих пор не понимаю, как такое могло случиться! Андрей – он ведь и мухи не обидит. Он к жизни совсем неприспособленный, он не выдержит там, в тюрьме...

– Может быть, месть из ревности? – железным голосом процедил Сергей.

– Вы в своем уме, какая ревность? – вскипела Александра. – Это слово не из нашего лексикона!

– А как насчет конкуренции? Ведь в ученых кругах по-разному бывает.

– Это я знаю. Но Андрей никому дороги не перебежал, это точно. У него своя тема, он в ней специалист. И по-моему, это слишком изощренный способ устранить конкурента.

– Ну а враги... Враги у него были?

Ответ был отрицательным.

Впрочем, Сергей уже и сам понял, что заваривать эту термоядерную кашу только для того, чтобы насолить молодому ученому в больших очках и, наверно, с залысиной, способен только псих. Но тот, кто это устроил, явно обладал трезвым умом. Скорее всего, Андрей – лишь случайная жертва.

– А экспертиза той иконы, которая вернулась в музей, проводилась?

– «Троицы», что ли? Да любой исследователь и так скажет вам, что это подлинник.

– Ну а химический анализ или что там у вас еще?

– Насколько я знаю, серьезной экспертизы не проводилось, только атрибуция и ультрафиолет. Но они сразу показали, что родом икона из XV века.

– Ясно, – кивнул Дорогин. – Вы говорили, что на суде кто-то оклеветал вашего мужа.

– Начальник Андрея, Иван Ефимович, – нерешительно произнесла женщина. – Вроде бы у них всегда были нормальные отношения, насколько я знаю. Но на суде он заявил, что в тот вечер Андрей допоздна задержался на работе и что еще раньше он интересовался системой сигнализации.

– Того зала, где хранилась икона?

– Ну да. Но я-то прекрасно помню, что Андрей был дома уже в шесть вечера. Он даже на час отпросился, чтобы раньше приехать – у нас ведь годовщина была.

Но тут их разговор прервал детский плач. Александра бросилась к коляске и стала укачивать девочку.

Впрочем, Дорогин решил больше не мучить бедную женщину вопросами. Тем более что адресовать их нужно было другим людям. И он собирался это сделать в самое ближайшее время.

– Мне надо уже уходить, девочку я здесь не успокою, – сказала Александра. – Сколько я должна за кофе?

– Не волнуйтесь, со счетом я разберусь. Постараюсь разобраться и с остальным.

– С чем «остальным»? Что вы имеете в виду?

– Нехорошо, когда невинный человек спит на шконке. Мне вот в свое время очень не понравилось. Жестковато.

С другой стороны, Сергей признавал, что четыре года, проведенные на зоне, стали для него очень полезным испытанием.

– Поздно пить боржоми. Приговор вступил в силу и обжалованию больше не подлежит. Тем более я уже обращалась к лучшим юристам...

– Я не юрист, – перебил Сергей. – У меня другие методы. А приговор, который не подлежит обжалованию, выносится только однажды – на суде Божьем.

Слова «другие методы» Александра оставила без внимания. Она выразительно взглянула на своего собеседника, затем пожала плечами.

– Ничего не понимаю, – понизив голос, произнесла она. – Неужели у вас своих проблем мало? Вам что, нечем заняться?

– Как ни странно, вы попали в самую точку, – улыбнулся Дорогин. – Мне действительно нечем заняться. Я просто подыхаю со скуки.

Александра снова пожала плечами. Ребенок нетерпеливо подал голос из коляски.

– Ладно, идите, девочка проголодалась, наверное. Если вы мне понадобится, я с вами свяжусь. Да, и пожалуйста, я вас очень прошу: не повторяйте сегодняшнего вашего... шага. Иначе мои старания пойдут коту под хвост, и я точно помру от тоски. Так что пожалейте хотя бы меня.

Глава вторая

Долгожданный обеденный перерыв не оправдал ожиданий Болдигова. Суп, как всегда, был сварен невзвешенно, котлета оказалась непрожаренной, официантка – вульгарно накрашенной бабищей.

– Ну что за жизнь такая! – думал он, возвращаясь на свое рабочее место в Лаврушинский переулок.

Именно здесь с незапамятных времен находился отдел древнерусского искусства, который вот уже пять лет возглавлял доктор наук Болдигов.

– Пора искать для обеда другое место, – решил он, потянув на себя массивную дверь.

Поднимаясь по мраморной лестнице в свой кабинет, Болдигов почувствовал в своем животе неприятное шевеление. Уже перед самой дверью он негромко отрыгнул.

– Иван Ефимович, вам тут звонят, – с порога набросилась на него секретарша. – Не по нашему говорят. Вроде из Парижа.

Париж Болдигов очень любил, особенно в мае и на халяву. Вот и сейчас представилась отличная возможность слетать туда на пару деньков в рабочее время. Приглашение на конференцию по теме «Семантика иконы византийского обряда: новый взгляд» пришло в их отдел на имя Глинского. И поскольку сам Глинский по объективным причинам не мог полететь в Париж – его не так давно отправили по другому маршруту, – Болдигов без лишних сомнений заграбастал эту халяву себе. Но организаторы конференции оказались какими-то занудами. Они настаивали на своем: мы, мол, приглашали не вас, а мсье Андрея Глинского. Достали уже с этим Глинским-Попелинским!

– Гуд афтернун, – затараторил он в трубку с чудовищным акцентом. – Ай эм мистер Болдигов. Ай хэв ту эксплэйн ю зэт мистер Глинский нот ворк ин аур организашн мор. Ду ю антерстэнд? Мистер Глинский из нот ан хонест мэн, – продолжал он. – Нау хи хэз мэни проблеме виз полис. Хи ДИД мэни бэд сингс.

Услышав про полицию, настойчивая парижская мадам немного сбавила свой пыл. Никто ведь не хочет связываться с уголовниками и впутываться в чужие скандалы. Другое дело – такой честный гражданин, как Болдигов.

В итоге мадам согласилась на замену. Иван Ефимович довольно хмыкнул и положил трубку. Надо будет прямо сейчас позаботиться о билетах на самолет, вылет был назначен на послезавтра.

До конца рабочего дня ему надо было подготовить какую-то резолюцию по вопросам пожарной безопасности. Но нудная работа не шла, все мысли Болдигова были уже в Париже.

«Интересно, а нас в центре поселят? – думал он. – Организаторы обещали «четыре звездочки». Любят там ученых, однако».

Так и не закончив резолюцию, в шесть часов Болдигов вызвал по телефону одного из своих сотрудников, тихого лысенького буквоеда Евгеньева, от души поругал его за безделье и сбросил на него эту работу.

Раздумывая о том, сколько евро он потратит послезавтра в «дьюти-фри», Болдигов подхватил портфель, кивнул на прощанье секретарше и двинулся к выходу.

Мысли о сытном ужине, который ждет его дома, прервал телефонный звонок. Это был корреспондент какой-то газеты, он спрашивал о грядущей выставке, посвященной Андрею Рублеву.

«Как же вы достали, журналюги долбаные», – выругался про себя Болдигов. Затем он собрался с духом и зарядил:

– Традиции высокой духовности всегда были свойственны русской интеллигенции и той ее прослойке, которую не зря во все времена величали «цветом нации». Истинные творцы

никогда не ставили материальные ценности во главу угла. И мы, как наследники великих гениев, также живем тем духом, который...

Про выставку он толком ничего не знал, потому что спихнул ее подготовку на одного из сотрудников. Но признаваться в этом перед прессой было как-то неудобно. Поэтому пришлось нести чушь.

Закончив разговор, Болдигов сунул телефон в карман, но вдруг заметил, что ему пришла эсэмэска.

Текст был коротким: «Встретимся на твоей даче в 9. Есть вопрос по Рублеву».

Аппетит моментально покинул Болдигова. Он понимал, что речь идет совсем не о том, о чем только что расспрашивал его журналист. И потоком словоблудия здесь уже не отвертеться.

«Что за вопросы, мать твою? – думал он, спускаясь вниз по лестнице. – Мы же вроде полгода как со всем разобрались. Вроде они сказали, что трогать меня больше не будут».

– Иван Ефимович, что-то вы сегодня грустите! – ему навстречу шла смотрительница Лилия Станиславовна. – Что, работы много, да?

– Ничего страшного, не волнуйтесь, – кивнул он и пошел дальше. На работников залов начальник мог позволить себе смотреть сверху вниз, или даже вообще не смотреть.

– Я к тому, что, если здоровье беспокоит, могу хороший совет дать, – продолжала доставать она. – Если компрессы из меда делать по утрам, то...

Болдигов не стал ее слушать и пошел дальше. Эта эсэмэска все никак не выходила из головы.

Впрочем, может, он зря беспокоится? Мало ли какие там вопросы? Может, им бумажку надо сделать или справку подписать? Или этот Глинский продолжает брыкаться?

«Да, попал парень, что называется, под раздачу, – подумал он. – Такой был... блаженный! Хоть с него иконы пиши. Но у жизни свои правила: или ты, или он».

Болдигов выбрал второй вариант. Выбрал, даже не раздумывая, и поэтому остался в своем кресле, а Глинский теперь хлебал баланду.

* * *

Известие о краже «Троицы» прогремело как гром среди ясного неба. Сотрудники Третьяковки весь следующий день ходили как пришибленные: неужели такое могло случиться? Это было покруче, чем в голливудских фильмах. И главное, никаких следов.

В тот октябрьский вечер Болдигов возвращался домой уже затемно. В машине работало радио. Какой-то майор полиции клялся, что преступление, «оскорбляющее дух русского народа», будет раскрыто уже в ближайшие дни. Болдигов не верил. Он еще не знал, каким именно образом это произойдет.

Поставив машину на стоянку, он размеренной походкой пошел к подъезду и не заметил, как старая «Волга», стоящая у его подъезда, кряхтя, сдвинулась с места.

«Вы задержаны» – гулом пронеслось у него в ухе. В это время двое рослых юнцов уже затащили его на заднее сиденье.

Потом были два часа в неотопливаемом «обезьяннике». Болдигов сморкался и, чуть ли не плача, просился позвонить домой. Сержант отвечал исключительно матом и не пускал даже в туалет. Болдигов не привык, чтобы им командовал какой-то отморозок со средним образованием. Но основное унижение было впереди. Почти в полночь дрожащего и сонного Болдигова потащили на допрос.

– Ну при чем, при чем здесь я? – вопил он истеричным голосом. – Ну у меня же алиби есть! Я вчера провел весь вечер с друзьями, мы в баню ходили!

– С твоими друзьями мы побеседуем, – ухмыльнулся майор. – Так что считай, у тебя нет алиби.

Болдигов закрыл лицо руками и взвыл. Майор толкнул его, чуть не свалив со стула, и произнес приглушенным голосом:

– Слезами, сука, горю не поможешь. Ты пойми: у нас установка есть. И дело мы должны раскрыть быстро, хорошо и красиво. А то общество и так не доверяет российской полиции. Хотя должно доверять, понял, да? И будет доверять – когда мы такую жирную суку, как ты, запрем лет на десять. Поэтому ты сам же и признаешься во всем, понял?

Вскоре после этих слов Болдигову и предоставили выбор: или он, или...

Напуганный Болдигов был согласен подписать договор хоть с дьяволом. Майор достал лист бумаги и начал составлять протокол допроса. К утру была написана история, которая выглядела вполне правдоподобно.

На работу Болдигов отправился прямо из отделения – невыспавшийся, голодный, небритый. Прямо у входа он лицом к лицу столкнулся с Глинским.

– Как дела у молодых ученых? – Болдигов выдавил из себя радушную улыбку. – Что ж, желаю успехов в нелегкой вашей работе! А как семья? Когда у вас там планируется пополнение?

* * *

К вечеру полило как из ведра. И это был совсем не тот приятный майский дождь, о котором любят писать поэты. Погода казалась, скорее, октябрьской.

Фары автомобиля прорезали диагональную стену воды. Болдигову казалось, что эта стена вот-вот станет твердой, а затем упадет на него и раздавит.

Дача у него была километрах в пятидесяти от Москвы. Дорога туда вела не ахти какая. Да и у въезда на Ярославское шоссе, как обычно в такое время, образовался километровый затор.

Пробка рассасывалась медленно – как ни крути, конец рабочего дня. Все эти два часа Болдигов активно вспоминал маму того майора, который погнал его в такую даль. Поужинать толком он так и не успел, и это сильно его расстраивало.

Выехав наконец из Москвы, Болдигов почувствовал невероятное облегчение, но ехать по хорошему шоссе ему оставалось всего двадцать километров. Дальше его снова ждали злоключения.

Свернув с Ярославки, он двинулся по узенькой гравийке, вконец раздолбанной колесами тракторов. За окном иногда проплывали темные покосившиеся деревенские домишки. Места вокруг были глухие.

«Интересно, а откуда он знает, где моя дача? – подумал вдруг Болдигов. – Хотя вопрос, конечно, дурацкий. Эти всё знают. Лучше с ними не ссориться».

Ага, вот и знакомый поворот. Дорога плавно огибала озеро, в котором так любил рыбачить Иван Ефимович. Над темными камышами завис маленький ломтик предзакатного солнца, напоследок показавшийся из-за туч.

Свою дачу Болдигов называл именем. Это действительно была старая дворянская усадьба, которую в начале XX века выстроил некий Лаврентий Крамлин, отставной полковник и бывший член суда присяжных. Здесь, на берегу тихого озера Северное, он надеялся дожить свои дни, попивая вишневым ликерчик вдалеке от суеты и забот. Но пришел шальной семнадцатый год, и местные мужички, одним разом влив в себя годовой запас ликерчика, на радостях утопили барина в том самом тихом озере.

В небольшом, но изящном домике покойного Крамлина, построенном в стиле модерн, по советской традиции разместили мехдвор. А когда все тракторы заржавели, а солярка была разворована, его пришлось закрыть, и дом опустел.

Но времена снова изменились, и контра наконец победила. Скромному научному сотруднику Болдигову как раз в то время подвернулась крупная взятка (он помог вывезти за границу

несколько картин Репина). И полученные денежки он решил вложить в свою мечту: занять дачу. И не просто дачу, а настоящую загородную резиденцию.

Болдигов выкупил заброшенное имение почти задаром, пообещав, что его отреставрирует. Затем он прикинул, что намного дешевле будет снести старый дом до фундамента, а затем построить на его месте что-то похожее. К счастью, оставшихся у него денег хватило, чтобы договориться с чиновниками и уладить все формальности. И теперь дача Болдигова стала главной его любовью и хобби. Он проводил здесь каждый отпуск. А иногда специально выписывал себе командировки в какой-нибудь Южно-Митусинск, чтобы рвануть сюда на внеурочную недельку и насладиться охотой, рыбалкой и одиночеством.

«М-да, запустил я свое имение», – подумал он, въезжая на заросшую плющом парковую аллею. Из-под кромок деревьев был виден только острый шпиль, венчавший современную башенку.

В самом конце аллеи, когда до дома уже оставались считанные метры, он остановился и заглушил мотор. Времени на часах было без десяти девять. Значит, как раз в срок.

Болдигов вышел из машины, негромко захлопнул дверцу и не спеша направился к дому. Где-то неподалеку от крыльца он ожидал увидеть притаившийся как будто случайно джип или на худой конец ту же старую черную «Волгу». Но местность казалась абсолютно пустынной. Следов присутствия человека поблизости не было.

Распустившаяся сирень после дождя пахла необычайно. Болдигов вдохнул полной грудью и с надеждой подумал: «Может, они забыли? Или передумали? Или недоразумение какое-то вышло?»

Он достал ключ и начал ковыряться в замке. Наконец массивная дубовая дверь открылась. Болдигов тщательно вытер ноги о половичок и включил свет в холле.

И тут он сразу понял, что безлюдность этого дома была мнимой. На фиолетовом линолеуме в холле Болдигов тут же заметил свежий след.

– Здравствуйте, Иван Ефимович, – услышал он из-за спины чей-то незнакомый голос.

Болдигов вежливо приподнял шляпу и процедил:

– Не имею чести. И чему обязан?

Он внимательно разглядывал незнакомца, выбравшего позицию за журнальным столиком справа от входа. Коренастый мужчина средних лет молча вытащил пачку сигарет. Он с таким же интересом разглядывал хозяина дачи и явно не спешил начинать беседу. Повисла тяжелая пауза.

– Простите, а где майор Ко...

Болдигов еще не успел договорить, как уже понял, что мог сказать лишнее.

– Он погиб в авткатастрофе, – спокойно ответил инкогнито. – Или, вернее, погибнет завтра. Сами знаете: аварии в Москве случаются часто. Низкая культура вождения, превышение скорости, пьяные за рулем.

Этому незнакомцу явно импонировала роль булгаковского Воланда, и актер из него получился бы недурственный. Болдигова аж передернуло. Иван Ефимович постарался взять себя в руки. Возможно, перед ним был всего лишь мелкий шантажист, который пытался взять его «на понт».

– Что вам от меня нужно? – спокойным голосом поинтересовался хозяин дачи.

– Я хотел задать вам только один вопрос, – незнакомец говорил тихо и без угроз.

– Но кто вы такой, и вообще... – осмелел Болдигов.

– Здесь я первый в очереди задавать вопросы, – перебил его неожиданный гость. – К тому же вопрос у меня очень простой. Скажите, вы курите?

Болдигов немного опешил и от неожиданности аж растерялся.

– Ну что вы мечетесь, как будто вам скипидаром хвост намазали? Неужели сложно ответить? Курите или нет?

– Д-да, я... курю, но... как раз бросать собираюсь, – выдавил из себя Болдигов.

– Вот и спасибо, – нехорошо улыбнулся незнакомец. – Именно это я и хотел у вас узнать. «Наверное, псих! – подумал Болдигов. – Чего доброго, набросится и укусит!»

Тем временем инкогнито сделал глубокую затяжку, стряхнул с сигареты пепел и не спеша начал свою речь.

– А то, знаете, я вот сам никак не мог понять: курите вы или нет. С одной стороны, вот пепельница, и это, как говорится, вещдок. Но ведь, с другой стороны, пепельницу можно держать дома и для гостей. А вдруг у вас жена курит? Или... ну, может, она вам и не жена, а? «Точно псих!» – решил Болдигов.

– Ну, да это неважно, – продолжал Некто. – Ваша личная жизнь мне совершенно безразлична.

– Спасибо и на этом, – зло процедил хозяин дома. – Ну а сейчас моя очередь задавать вопросы. Скажите, зачем вы сюда явились? Ввалились без спросу в мой дом. Да и меня сюда вытащили? Неужели только для того, чтобы узнать, курю я или нет.

– В принципе да, – кивнул головой инкогнито.

– Я курю! Все, вы довольны? – нервно взвизгнул Болдигов.

– Да, я уже понял, что вы курите. Причем вот здесь, за журнальным столиком. Почитывая всякие газетенки, вроде этой, – он поднял со столика целую стопку желтой прессы с кричащими заголовками.

Болдигов вздохнул. Да, был у него такой грешок. Среди ученых он никогда в жизни бы не признался, что читает цветастые газетенки. Но здесь, втихаря, вдали от чужих глаз, он мог наслаждаться любимым чтивом.

– Классные заголовки здесь, да! – ерничал незнакомец. – «Пугачева изменила Галкину с Булкиным!», «Сожитель распилил сожительницу лобзиком!». А представляете такую статейку: «Видный российский ученый заживо сгорел в своем дачном домике. Как отметили специалисты МЧС, причиной возгорания стало курение в постели. Приняв на грудь пол-литра водки, светило науки расслабился на тахте с зажженной сигаретой. Правда, отличная тема для желтой прессы, да?»

В этот миг Болдигов и сам пожелтел. В голове лихорадочно крутился вопрос: что делать? Попытаться бежать? Нет смысла – догонят. Сопротивляться? Но, поймав взгляд удава, которым одарил его незнакомец, Болдигов тут же почувствовал себя кроликом и отбросил эту мысль куда подальше. Оставалось только попытаться договориться.

Теперь горе-ученый понимал, что перед ним вовсе не сумасшедший. Но кто же, кто? Откуда он взялся? И что ему нужно?

* * *

Отправляя Болдигову эту эсэмэску, Сергей Дорогин по кличке Муму понимал, что он сильно рискует. Вместо дрожащего кролика на дачу мог заявиться кто угодно. Например, маленький отряд головорезов. Или, наоборот, взвод спецназовцев в полном обмундировании. Но выхода у Сергея не было. Приходилось действовать вслепую.

Благодаря связям в московской прокуратуре Муму смог получить доступ к делу о краже иконы. Из кучи допросов и другого процессуального шлама отфильтровать суть было нелегко. Среди множества фигурантов дела особого внимания заслуживали лишь две фигуры. Первая – это начальник Глинского, а вторая – следователь уголовного розыска по фамилии Колбышев.

Утверждать что-либо однозначно было сложно, однако Муму нутром чувствовал, что у обоих кадров в этом деле был какой-то особый интерес. Какой именно – это и предстояло выяснить.

Муму решил начать с Болдигова. Почуяв запах жареного, Болдигов сначала включил дурака и распустил нюни. Но стоило только Дорогину привстать со своего места и многозначительно потереть ладони, как клиент уже окончательно созрел.

– Меня пытали, понимаете! – причитал он. – Я просто оказался перед выбором. Да, может, это и аморально, может, мне следовало пожертвовать собой, но... Вы ведь знаете, что человек слаб.

Болдигов рассказал о том, что на следствии он дал ложные показания: якобы молодой ученый Глинский попросил у него разрешения остаться после закрытия для работы с иконой. А в тот день Болдигов якобы увидел у него в сумке огромный кусок холста, в который эта икона в конечном счете была завернута.

– А кто придумал подсунуть икону в багажник машины Глинского? – поинтересовался Муму.

– Ну... я придумал, – сознался Болдигов. – Машину я его знал, а про обед на даче Андрей сам рассказывал.

– Хорошо, ну а икона откуда?

Вопрос явно поставил Болдигова в тупик. И действительно, во всей этой суете он ни разу не задавался вопросом: откуда же взялась икона? Сначала ее крадут, а потом возвращают. Черт знает что!

– Я правда не знаю, – запричитал он. – Нет, ну честно не знаю. Я делал только то, что от меня требовал майор. Что он скажет, то и делаю.

– А икону вы проверяли потом? В смысле на подлинность.

– Ну да, вроде бы... Проверяли, конечно...

Муму сразу понял, что он темнит. Слишком неуверенным был голос этого светила науки.

– А если подумать? – отчетливо проговорил Дорогин.

Их разговор был своего рода русской рулеткой. Муму действовал наугад. Болдигов не знал, что Муму был практически не осведомлен об этой истории, но, поскольку этот кадр реально боялся за свою шкуру, выкладывал все начистоту.

– За неправильные ответы предусмотрены наказания, – предупредил Дорогин.

– Экспертиза была формальной, – потупил глаза Болдигов. – Я сам отвечал за ее проведение, сделал нужные записи в журнале. Так мне Колбышев сказал.

Дорогин еле слышно хмыкнул. Что ж, его догадка подтвердилась.

До сегодняшнего дня у него было только одно объяснение этой странной истории: кто-то украл икону, сделал качественную копию и эту копию подсунул Глинскому. Преступление раскрыто, вор в тюрьме, дело сдано в архив, икона висит на своем прежнем месте, и простой ценитель никогда не подумает, что он восторгается подделкой.

«Значит, не зря мы этого типа побеспокоили, – подумал Муму. – Но больше от него точно ничего не добиться».

Дорогин взглянул на часы – пол-одиннадцатого. Пора закругляться.

– Ну, сударь, не буду больше мучить вас расспросами, – вновь перешел на высокопарный тон Дорогин. – И попросил бы об одном джентльменском соглашении. Пусть этот разговор останется между нами. Договорились?

– Д-да, д-договорились...

Повисла тягостная пауза. Муму чуть заметно покачал головой. Болдигов сразу насторожился.

Он смекнул, что разговор подошел к концу, и это значило, что полезный информатор превращался в ненужного свидетеля.

– Натe вот водички попейте, – Дорогин вытянул из сумки бутылку негазированной «Бонаквы», налил в стакан и протянул его хозяину дачи. – Может, полегчает немного.

Болдигов истерично отмахнулся от такого предложения. Ничего хорошего от своего мучителя он уже не ждал.

– Попейте-попейте, – ласково настаивал Муму, нежно поглаживая появившийся невесть откуда пистолет с глушителем. – Да что вы, в самом деле! Пейте смело! Не умрете – это я вам гарантирую.

Дрожащей рукой Болдигов поднес стакан к посиневшим губам и сделал несколько глотков. Пить ему действительно очень хотелось, и он, преодолев страх, осушил стакан до дна.

Когда хозяин дачи пришел в себя, было уже полшестого утра. Естественно, что незваного гостя и след простыл.

Глава третья

Утро началось с порции любви – несколько вялой и быстротечной. Светлане было сложно скрыть свое недовольство. Она молча встала с постели и начала одеваться. Митя тем временем перевернулся на другой бок и мирно сопел.

– Вставай, соня, – растормошила его Светлана. – На работу пора.

Он тут же вскочил на ноги и неуклюже попытался заключить ее в объятия. Она деликатно отстранилась, решив ограничить все нежности поцелуем в щечку.

– Ну что, давай завтракать, – предложил Митя, когда банные процедуры были завершены.

– Давай, – согласилась Света. – И чем ты меня попотчуеть?

– Может, яичница? Или вот есть еще рыбий паштетик – если, конечно, он не испортился.

Всем своим видом Света показала, что меню, которое мог предложить скромный аспирант, ее совершенно не устраивало. Митя это прекрасно понимал. Но увы, на деликатесы его стипендии не хватало.

Митя взгрустнул.

– Видела вчера Любочку – ну, это подружка моя, я тебе про нее говорила, – Света сделала глоток горячего чая. – Они с Васей на Шри-Ланка собираются. Говорит, там пляжи – самые лучшие в мире.

Митя еще больше поник. К сожалению, он не мог подарить своей возлюбленной путевку на Шри-Ланка.

– Жарко там, наверное, – предположил он.

– Да нет, ничего подобного! Как раз сейчас самый сезон. Там обезьянки, слоны, по моему, тоже водятся.

Митя в этот момент намазывал паштет на ломоть батона. Запах от серой массы был настолько отвратительным, что Митя понял: паштет, увы, придется выбросить вместе с батоном.

– Ну ладно, вот закончу работу, и тогда, может, тоже поедем куда-нибудь. Не в Шри-Ланка, так в Турцию.

– И когда это случится? Ну, когда ты работу закончишь?

– Пока не знаю, – вздохнул Митя. – Результаты так себе. Вчера вот поставил эксперимент...

Эту халтурку подкинула ему сама Света. У одной ее подруги друг работал в антикварном салоне, и там промышляли подделками. Например, выдавали икону XVIII века за икону XIV века. И вот жулики решили обратиться к продвинутым технологиям в области химии.

Митя Лопотев как раз занимался этой темой. Он писал диссертацию о создании веществ, полностью идентичных другим веществам. И, проводя в лаборатории по пятнадцать часов в сутки, смог добиться неплохих показателей. Например, ему удалось создать точный аналог прокисшей еще на той неделе сметаны. Результаты химического анализа полученного вещества были такими же, как и в случае с оригинальной сметаной. Возможно, этой субстанцией точно так же можно было отравиться, но на такой эксперимент Митя не отважился.

Он бы так и продолжал работу в избранном направлении и, совсем не думая об их практическом применении, клонировал бы гуталин и минеральную воду, но тут в его жизни появилась Света.

Одним поздним январским вечером Митя, как обычно, возвращался из лаборатории. Заснеженная остановка оказалась абсолютно пустынной. Последняя маршрутка уже давно уехала, а ждать автобуса можно было хоть полчаса. И тут вдруг появилась Она.

Из какой-то маленькой улочки вынырнула очаровательная блондинка. Хлопья снега оседали на ее волосы. Она подошла к остановке, взглянула на расписание, затем на экран мобиль-

ника, чтобы узнать время. Митя сразу обратил на нее внимание, но подойти к ней и познакомиться он бы не отважился никогда в жизни. И тут незнакомка сделала несколько шажков в его сторону и сама завела разговор.

Выяснилось, что им по дороге. Они в складчину заказали такси. Первому выходить было Мите. Когда водитель уже пересчитывал купюры, Света вдруг предложила обменяться телефонами:

– На всякий случай, если вы снова задержитесь на работе...

Митя так разволновался, что долго не мог припомнить свой номер.

Они созвонились уже на следующий день, а в следующую же субботу случилось их первое свидание. Его итогом стал жаркий поцелуй на прощанье.

Митя потерял покой и сон. Первые 25 лет своей жизни он был верен одной даме – Ее высочеству Химии. Но как только перед ним появилась реальная девушка, сразу же изменил своей лабораторной возлюбленной.

Света была настоящей красавицей. Броской, эффектной и, что удивительно, терпеливой. Неопытность Мити в амурных делах ее вовсе не раздражала. Он долго не мог понять, что привлекало такую красавицу в нем, небритом пареньке скромного телосложения в потертых джинсах и старой китайской куртке. Но Света сразу развеяла все сомнения.

– Для меня важен сам человек, а не его внешность, – сказала она на первом же свидании. – И особенно его интеллект. Жалко, что в наше время его мало кто ценит.

Именно этим Митя объяснял свои прошлые неудачи, которые в его личной жизни никогда не чередовались с успехами. На его интеллект женскому полу было глубоко наплевать.

Обычно девушки были готовы отдать предпочтение какому-нибудь безмозглому тусовщику, нежели лауреату Международного конкурса молодых ученых. Митя в их глазах был типичным очкариком и заучкой. И вот наконец нашлась та, которая оценила его по достоинству... Так, по крайней мере, думал Митя.

Он приобрел новую привычку – следить за собой. Он стал не реже чем раз в месяц посещать парикмахера, одолжил у мамы денег на приличную одежду и даже начал бриться каждый день, чего с ним прежде никогда не случалось. А еще он охотно рассказывал Свете о своих исследованиях, и она всегда увлеченно слушала, хотя и не понимала в химии решительно ничего.

Но вскоре стало ясно, что любимой этого мало. Получив на День святого Валентина коробку конфет, она поведала о том, что ее подруге Лидочке подарили бриллиантовое сердце. Скромный букетик роз на 8 Марта заставил ее произнести лишь дежурное «спасибо». Хотя откуда ей было знать, что Митя одалживал на него деньги по всему институту? Ведь ее подруге Катеньке парень подарил новый «фиат».

Митя не знал, где искать выход из этой ситуации, но Света предложила его сама. У одной ее подруги был друг, который...

Митя сначала отнекивался. Он не любил прикладных исследований и не собирался создавать рецепты шампуней. Его интересовала только наука во всей ее чистоте. Света не настаивала, но изводила аспиранта рассказами о богатых подарках, которые получают ее подруги.

Митя скрепя сердце согласился. За эту работу ему пообещали немислимые деньги – десять тысяч долларов. Конечно, он понимал, что это плата за риск, ведь бизнес этих антикваров нелегальный, и если их поймают, то мало не покажется.

Митя забросил свои научные исследования и вместо них стал зарабатывать своей любимой на платье из бутика и отдых в Турции.

Света передала ему образец, который требовалось размножить. Митя снова трудился в своей лаборатории по пятнадцать часов. Но эта задача оказалась несколько сложнее, чем размножение кислой сметаны.

На часах было уже девять. Обычно в такое время Митя отправлялся в лабораторию. Сегодня он хотел задержаться дома подольше, но Света его поторапливала.

– Ну что, кажется, тебе пора? – поинтересовалась Света, допивая свой чай.

– Да, я уже иду, – кротно согласился он. – Вот сейчас посмотрю еще на тебя немного, моя радость.

– Кстати, моя подруга о тебе уже спрашивала. У них ведь тоже сроки, сам понимаешь.

– Не волнуйся, моя хорошая, в сроки мы вложимся. Уже не так и много осталось.

Он корпел над этой задачей уже целых три месяца. Но разве Свете объяснишь, что некоторые процессы невозможно ускорить? Тем более во время экспериментов не избежать ошибок.

– Срок через три дня заканчивается, – холодно взглянула на него Света. – Успеешь?

– Ну, я постараюсь, конечно, но, сама понимаешь, три дня – это очень мало. Совсем мало.

– А ты постарайся, – наредила Света.

– Ради тебя, мое вдохновение...

– Ладно, хватит нам с тобой болтать. А то ничего за сегодня сделать не успеешь.

Митя был огорчен. В последнее время они виделись все реже, поэтому он так ценил эти утренние минуты.

– Все, уже отправляюсь, – послушно промолвил он. – Может, ходим куда-нибудь сегодня? Например, в кино?

– Какое кино? Тебе же работать надо.

Перед уходом Митя наклонился к Свете, чтобы ее поцеловать, но та его мягко отстранила. И парень сразу понял, что вернуть расположение своей возлюбленной он может, только исполнив ее просьбу.

* * *

Болдигов с трудом поднялся с кресла. Голова буквально раскалывалась, в животе неприятно бурчало. Кажется, он не ел уже часов двадцать.

Ничего съестного на кухне не оказалось, но Болдигов вспомнил, что в кладовке можно найти какую-нибудь залежавшуюся банку консервов. Там же обнаружилась и бутылка дрянной водки – хозяин дачи обычно расплачивался этой валютой с местными рабочими за разные услуги. Сейчас такая находка была весьма кстати.

От первой рюмки его чуть не стошнило, зато вторая зашла как по маслу. Болдигов смачно отрыгнул и одним махом опустошил банку сайры. Голова немного прошла, но руки все еще тряслись. После третьей рюмки он наконец нашел в себе силы хорошенько обдумать произошедшее.

Раньше ему казалось, что самый страшный человек на свете – это майор Колбышев. Но с ним уже кое-как рассчитались, после суда он не беспокоил. И вот вчерашний визит...

«И откуда он взялся? – гадал Болдигов, вспоминая циничную улыбочку незнакомца. – Мент? Точно нет. Может, из ФСБ? Или все же бандит? Непохож, непохож».

Ментов, гэбистов и бандитов он представлял себе совершенно другими. Впрочем, свой отпечаток здесь накладывало чтение бульварных газет.

Стопка за стопкой бутылка постепенно опустошалась. Болдигов отчетливо понимал, что он уже пьян, но рука снова и снова тянулась к стакану.

В девять утра позвонили с Третьяковки. Болдигов совсем забыл, что сегодня рабочий день.

– Иван Ефимович, простите, что беспокою, – бормотала секретарша. – Тут вам звонил Лазарев из Академии наук, он интересовался «Троицей» Рублева, хочет ее исследовать.

Болдигов выругался матом, негромко, но вслух. Он сразу понял, откуда у Лазарева вдруг появился интерес к иконе Рублева. Тем более что Лазарев считался в их кругах самым дотошным экспертом и докой по части выявления подделок.

– А этот пострел уже везде поспел! – Болдигов снова вспомнил вчерашнего гостя.

– Простите, вы что-то сказали? – переспросила секретарша.

– Н-нет-нет, ничего...

Его голос явно выдавал в нем нетрезвого человека. Болдигов был готов держать пари, что она сразу это поняла. Секретарша даже по телефону могла унюхать запах изо рта.

Болдигов почесал затылок. Надо было выдумать какую-нибудь причину своего отсутствия на работе, а мозг наотрез отказывался сотрудничать.

– Я т-тут вчера отравился ужасно, – начал объясняться Болдигов. – И сегодня что-то мне с-совсем плохо, вот с температурой лежу под сорок.

– Ах, что вы! – огорчилась секретарша. – Какое несчастье! Надо же беречь себя, Иван Ефимович.

Ага, развела тут сюси-пуси! А про себя, конечно, подумала: знаем, мол, чем ты там отравился! Нажрался вчера как свинья, а сегодня лыка не вяжешь.

– Т-так что попрошу н-не беспокоить сегодня, – продолжал Болдигов. – Завтра, н-надеюсь, приду в себя, и тогда р-разберемся.

– Что вы, конечно-конечно, – воскликнула секретарша. – Я и директору скажу, если что.

– С-спас-сибо, д-до свидания, – выдавил он из себя и закончил разговор.

«Нет, этот тип точно не из бандитов, – вернулся к своим размышлениям Болдигов. – Иначе в его действиях вообще никакой логики нет. И не из полиции». Теперь осталось решить, говорить о нем Колбышеву или нет.

С одной стороны, самым лучшим вариантом в этом случае было залечь на дно и держать язык за зубами. Пусть они там сами между собой разбираются, это их дело. Он вспомнил и про то, что дал «слово джентльмена». Похоже, незнакомец ему поверил. Иначе Болдигов вряд ли остался бы в живых и его обгоревший труп случайно обнаружили бы здесь дня через три. С другой стороны, если Колбышев узнает сам, будет еще хуже. Тем более не сегодня завтра помощь майора очень понадобится. Когда этот Лазарев установит, что икона – фальшивка, возникнет сразу очень много вопросов.

Он налил себе еще стопку, осушил ее одним махом, поморщился. В этот момент зазвонил мобильный. Болдигов взглянул на экран – его как будто ошпарило. Звонок был от Евгении Францевны – именно под таким псевдонимом в телефонной книге был зашифрован Колбышев.

– Слушаю, – Болдигов поднес трубку к уху.

– Поговорить надо, – послышался знакомый голос. – Сегодня в одиннадцать вечера на 28-м километре Волоколамского шоссе. Выйди из машины и жди черную «Волгу». Усек?

– Д-да, все понял, – промямлил Болдигов. – Вол-локоламс-кое ш-шоссе...

– И протрезвей к тому времени!

В трубке раздались короткие гудки.

Болдигов был даже рад, что вопрос решился сам собой. Он допил водку и рухнул на тахту. Перед сном хотел выкурить еще одну сигарету, но, вспомнив вчерашнее, отбросил эту идею. Незнакомец навсегда отучил его от привычки курить в постели.

Глава четвертая

Один мудрец говорил, что человек – это совокупность его привычек. Изучив эти привычки, можно многое узнать о прошлом их носителя. Смотрительница из Третьяковской галереи Лидия Михайловна Гигина была очень интересным объектом для таких наблюдений.

В этот майский день Лидия Михайловна проснулась, как всегда, в шесть. И сразу же отправилась на небольшую пробежку. Такая привычка появилась у нее еще в те годы, когда заниматься спортом было очень модно среди бизнес-леди.

Другие привычки той поры, к сожалению, пришлось отбросить. Сегодня Гигина уже не могла себе позволить слетать на уик-энд в Мадрид или устроить у себя дома настоящий серпентариум. Ее средств не хватало даже на посещение приличного косметического кабинета. Но бегать по утрам ей никто не возбранял.

В шесть сорок Лидия Михайловна уже сидела в своей крохотной кухоньке. На плите кипятился очень крепкий чай, а между пальцами дымилась сигарета.

Посетители Третьяковки, встречавшие в зале иконописи эту почтенную даму раннего пенсионного возраста, скорее всего, были убеждены, что всю свою жизнь она занималась только одним: вежливо встречала туристов и проверяла билетки. Но в Третьяковке Гигина работала только пять последних лет. Это были самые спокойные и самые скучные годы ее жизни. Коллекцию привычек они почти не пополнили. Разве что Лидия Михайловна стала чаще употреблять вежливые слова: «простите», «извините», «пожалуйста». Раньше она произносила их крайне редко.

Делая глубокую затяжку, Гигина думала о том, что в этот весенний день неплохо было бы прогуляться по Амстердаму или посидеть на террасе парижского кафе с книжкой Хемингуэя...

Но увы, сегодня ее ожидал обычный рабочий день. Толпы туристов, шум, суета. А вечером – маленькие женские радости в виде творожного пудинга.

Лидия Михайловна никогда не проявляла своего недовольства жизнью. Всем своим коллегам (подруг у нее не было) она всегда казалась доброжелательной, вежливой, подтянутой, улыбчивой и очень скромной. Даже слишком скромной и стеснительной. Она никогда не участвовала в тех пересудах, которые нередко устраивали работники музея вдалеке от ушей начальства. Никому не перемывала косточки, не интересовалась никакими карьерными подвижками. Не пересказывала полусшепотом последних сплетен, а когда сама их слышала, то в ответ только неопределенно улыбалась.

Даже по поводу недавнего события, которое потрясло всю Третьяковку, – внезапной гибели Болдигова – она не сказала ни единого слова. Кроме разве что дежурной фразы: «Ну, полиция, наверное, во всем разберется».

Ее, казалось, вообще не интересовало ничего, кроме работы. Директор галереи, его замы и покойный уже Болдигов считали Гигину идеальной музейной смотрительницей. Добросовестной, спокойной и совсем не амбициозной. Хотя казаться такой стоило Бигиной огромных усилий.

Размышления о жизни нахлынули на нее очень некстати. Пора было собираться на работу. Лидия Михайловна быстро допила чай и отправилась наводить марафет. На это ей требовалось никак не меньше двадцати минут.

Гигина взяла себе железное правило: появляться на работу только в самом лучшем виде. Макияж, прическа, одежда с иголочки.

– Ты, Михайловна, видно замуж собралась, – то и дело подтрунивали над ней коллеги.

Лидия Михайловна стала перед резным трюмо и открыла свою косметичку. Роскошное трюмо не вписывалось в скромные интерьеры ее однокомнатной квартиры. Эта вещь как будто была из другого мира и стоила совсем других денег. Зарплаты смотрительницы на подобную

мебель никогда бы не хватило. Трюмо было самой любимой вещью Лидии Михайловны и единственным напоминанием о прежних временах. Все остальные напоминания были конфискованы по решению суда. А трюмо как раз отдали в починку, и поэтому про него чудом забыли.

Вот и сейчас она с удовольствием осматривала этот сувенир из прежней жизни. Открыла выдвижной ящик, заглянула в тумбочку. Задняя стенка была толще, чем все остальные. Гигина постучала по ней и услышала глухой звук.

Когда марафет был уже почти закончен, Лидия Михайловна вдруг вспомнила, что ей надо сделать важный звонок, но времени на это уже не оставалось.

– Ладно, – решила она. – Лучше в машине.

Через пару минут Гигина оказалась за рулем своего старого «гольфика». Водить машину, причем с порядочной скоростью, тоже входило в число ее старых привычек, унаследованных из прошлой жизни.

Гигина завела мотор и вскоре растворилась в потоке спешащих на работу москвичей.

* * *

Будильник зазвенел, как всегда, некстати. Майор уголовного розыска Алексей Колбышев с трудом поднял свое тело с огромного, шириной больше двух метров, дивана (в народе такие называют «траходромами»), сунул ноги в тапки и отправился в ванную.

«Да, а Петруччио так и не появился, – подумал он. – Или на пати загулял, или...»

Но утро трудового дня – не самое подходящее время для мрачных мыслей. Колбышев силой воли отогнал их прочь.

В ванной было прохладно и неуютно. Он набрал в пригоршни холодной воды, глубоко вдохнул и поднес руки к лицу. Вода оказалась не только холодной, но еще и мокрой. Колбышев по-девичьи взвизгнул. На его лице за прошлые сутки уже образовался легкий пушок. Значит, перед службой следовало побриться.

Взяв в правую руку баллончик пены для бритья, майор стал строить планы на сегодняшний день. Часам к двенадцати придется ехать на опознание. Какой-то очередной бомжара с двенадцатью колотыми и черепно-мозговой.

Неофициальный план раскрываемости по их отделу на этот месяц был выполнен. Колбышев в кои-то веки мог вздохнуть спокойно. А тут это долбаное опознание!

«И как раз перед обедом! – покачал головой Колбышев. – Надо кого-нибудь из салаг отправить, например лейтенанта Васина. Хотя нет, я ж ему вчера уже одно дело сплавил, тоже со жмуриком. А может, Сереге дерьма подложить?»

Окончив бритье, майор еще долго смотрел на себя в зеркало. Увиденное его не радовало. Над причинным местом свисала огромная трехступенчатая складка. На по-женски пухлых грудях снова появилось несколько бесцветных волосинок. А лысина со вчерашнего утра, казалось, немного выросла в размерах.

Колбышев подумал, что такое тело, как у него, вряд ли способно вызвать порыв страсти и желаний. Впрочем, похожие мысли приходили к нему каждое утро, и спасения от них не было. С каждым годом жизни ситуация только ухудшалась. Майор был человеком взрослым и трезвомыслящим. Поэтому он понимал, что любовь может обеспечить ему не только красота.

23-летний мачо по кличке Петруччио вряд ли испытывал к Колбышеву горячие чувства, но тем не менее он ночевал вместе с майором – на огромном диване, купленном в счет премии на День милиции.

Прошлая ночь была исключением – Впрочем, не таким уже и редким за последнее время. Петруччио снова не явился. Майор до полуночи упрямо набирал его номер, но в трубке раздавалось одно и то же: абонент недоступен.

«И куда же этот паршивец запропастился?» – зло подумал Колбышев.

Он прекрасно знал, чего хочет от него этот юный мачо. Большинство таких пареньков хотят только одного – денег. Мачо любят дорогую выпивку, посещают тренажерный зал и салон красоты, одеваются в бутиках. Но зарплаты майора полиции на предметы роскоши не хватало. Благо иногда появлялись неплохие халтурки. Одна из них в одночасье принесла Колбышеву пятьдесят тысяч долларов. Но это было полгода назад. От кейса с ровными пачками сотенных купюр остался один только кейс, совершенно пустой. Главной покупкой, которую позволил себе майор за эти деньги, был как раз новый бойфренд.

Аппетиты Петруччио увеличивались с каждым днем. Последней зарплаты Колбышева ему хватило на один поход в казино.

Майор знал, что, как только денежный поток иссякнет, любовь сразу пройдет и помидоры завянут. Объяснять любовнику, что деньги не растут на деревьях, было делом бессмысленным. И если не Колбышев, то это будет кто-то другой. Майор меньше всего хотел в один прекрасный день остаться на своем диване в гордом одиночестве. Такая перспектива пугала его больше смерти. Он выполз из ванны и снял с вешалки свежесглаженную белую рубашку. Времени было уже полвосьмого – пора бы и поспешить.

Майор повязал галстук, пристегнул кобуру с табельным оружием, накинул сверху пиджак. Затем отправился в прихожую и наклонился, чтобы почистить туфли. В этот момент стальная дверь вдруг легонько скрипнула.

«Это еще что за фокус? – удивился майор. – Неужели Петруччио?»

Догадка тут же подтвердилась. На пороге стоял юный бойфренд, а если выразиться точнее, почти стоял. Его ноги заметно подкашивались.

– Привет, пупсик! – весело поздоровался Петруччио. – Как спалось?

– Хреново, – не сдержал своих чувств майор. – А ты где шатался?

– Да так, взгрустнулось мне что-то. Развеелся малость. А в «Голубой курице» как раз знакомый диджей выступал. Та-акой мальчик аппетитный...

После этих слов майор был готов прикончить свою пассивность прямо из табельного оружия, но вовремя взял себя в руки и всеми силами старался не проявлять чувств. Было понятно, что Петруччио сознательно его провоцирует. Он это делал всегда и по любому поводу.

– А позвонить нельзя было? – нахмурился Колбышев.

– Аккумулятор сел, – неумело «признался» Петруччио, даже не пытаясь выдать ложь за правду.

Колбышев был вне себя от злости. Выходки бойфренда ему уже осточертели. Майор полиции не привык к тому, что с ним обходятся как с деревенским простачком. Он был начальником – властным и уважаемым человеком. Но это на службе. Дома он не смел даже голоса повесить на смазливую пацаненку! Колбышев понимал: один неверный жест – и любовник найдет себе нового «папика».

– Иди отсыпайся, – махнул рукой майор.

– Спасибо, любовь моя! – нежно обнял его Петруччио, дыша перегаром. – А что у нас, кстати, на завтрак? А то я так проголодался.

– Поищи в холодильнике.

– Фу, как неромантично. Нет чтобы приготовить сюрприз для своего суслика!

– Некогда мне тебе сюрпризы готовить, – промямлил майор в свое оправдание. – Работы столько, что сил никаких нет. Закажи пиццу, если хочешь.

– Какой же ты зануда, – Петруччио хлопнул его по плечу. – Опять все про работу да про работу.

Колбышев ничего не ответил. Он молча взял портфель и отправился к выходу. Начинать дискуссии с этим тунеядцем по поводу работы было все равно бессмысленно.

– Да, слушай, – Петруччио окликнул его. – Ты мне денег не хочешь подкинуть, а? За тренажерку заплатить надо, сегодня последний день.

– Сколько? – холодно спросил майор.

Любовника его тон явно не устроил. Еще бы – этому альфонсу казалось, что его друг должен расставаться с деньгами с радостью! Приносить их ему на голубой тарелочке вместе с утренним кофе!

– Тысяч пять должно хватить. Но ты лучше дай чуть больше.

– У меня только три осталось наличкой, – майор попытался соврать как можно правдоподобнее.

Эта новость очень расстроила Петруччио. Принимая деньги, он делал вид, будто майор отдает ему давний долг, да и то не полностью и под нажимом.

Закрыв за собой дверь, Колбышев покачал головой. А ведь он почти не соврал. Эти деньги и вправду были у него последними, а до аванса оставалась еще неделя. Садясь в свою машину, майор задумался: где взять денег? Пока стоящих вариантов в голову к нему не приходило.

Он уже завел мотор, когда его телефон вдруг затрепетал в кармане брюк. Номер был незнакомым, но он все же поднял трубку:

– Да... да, все понял, – заговорил он. – Хорошо, это мы сделаем. Позвоню сейчас же... Волоколамское, одиннадцать... Да, все понял... Это без вопросов... Но только, знаете, любая услуга требует... Все же я рискую, и рискую очень сильно... Служебное положение, репутация – это бесценно... Очень рад, что вы понимаете.

Майор не мог скрыть радости. Что ж, на какое-то время проблема с деньгами будет решена.

Колбышев помнил, как лихо они с Петруччио промотали пятьдесят штук. Потом его долго мучила совесть: надо было попросить больше! Хотя бы стольник – или семьдесят на худой конец. Сейчас он будет умнее. Услуга, правда, небольшая, но тысяч в двадцать ее точно можно оценить. А этих денег хватит еще на пару месяцев. Ну, или хотя бы на один.

* * *

Майское утро ворвалось к Холмогорову прямо в спальню. Легкий ветерок отодвинул занавеску его открытого окна, позволив солнечному лучику немного поскользнуться по седой бороде и нежно дотронуться до сомкнутого века.

– Ой, что-то я разоспался совсем, – промолвил Холмогоров, потягиваясь.

Большую часть вчерашней ночи он провел в чтении фундаментального труда преподобного Иоанна Дамаскина об иконописи.

Холмогоров уже давно интересовался этой темой: как видимо передать то, что никакими словами передать невозможно – само присутствие Божье на нашей грешной земле.

«Хотя... с другой стороны, этот солнечный зайчик тоже может свидетельствовать о Всевышнем, – подумал он вдруг. – Надо только уметь понимать такие свидетельства».

– Благодарю тебя, Господи, за этот день, который ты мне послал, – Холмогоров осенил себя крестным знаменем. – И за эту ночь, в которую мне удалось хорошенько выспаться. Ведь у многих людей она прошла в тревогах и грехе.

Этот уже немолодой седобородый мужчина обладал особым даром – узнавать те места, которые наиболее подходят для строительства церквей и монастырей. Буквально вчера он вернулся из длительной командировки на Кавказ. Зато сегодняшней день у него был своего рода выходным – ни хлопот ни забот. И Холмогоров решил провести его с толком и пользой.

По дороге в Москву он читал об иконе Андрея Рублева «Троица». Той самой иконе, которая как нельзя лучше воплощала эту способность делать невидимое видимым. У Холмогорова появилось желание снова взглянуть на нее своими глазами. Благо у москвичей всегда есть такая возможность.

Сразу после завтрака и чашки кофе он отправился в Третьяковскую галерею.

* * *

К своему стыду, Дорогин, который всю жизнь прожил в Москве и в последние годы имел уйму свободного времени, ни разу не бывал в Третьяковке. Но сейчас у него появилось большое желание туда попасть. К сожалению, вовсе не от любви к искусству.

Муму хотел увидеть место преступления своими глазами. Зачем – он и сам не мог объяснить. Он надеялся, что во время посещения музея его вдруг посетит какая-нибудь неожиданная и свежая мысль.

Дорогин выбрал то время суток, когда посетителей больше всего. Ему хотелось непременно затеряться в толпе восторженных ценителей прекрасного. У входа в Третьяковку образовалась солидная очередь. Муму уже думал честно ее отстоять, но ему вдруг стало жалко времени, хотя он никуда не спешил. Улучив момент, он примкнул к большой группе американских туристов. Когда билетеры на входе попытались его заслуженно отбрить, он вырубил противника фразой «Sorry, I do not speak Russian».

Пухлые дамы с гроздьями винограда на картинах художников XIX века не сильно его впечатлили. Дорогин взглянул на них разве что из вежливости и отправился искать залы древнерусского искусства. Перемещаясь в толпе туристов, Муму глазел по сторонам. И быстро удостоверился в том, что камер видеонаблюдения в музее хоть отбавляй.

Ему пришла в голову идея проверить сигнализацию. Учитывая наплыв посетителей, это сделать было не так и сложно. Дорогин зашел в зал Васнецова. Почему-то народу там толпилось больше, чем где-либо еще. Несколько японцев с огромными камерами бурно обсуждали картину «Три богатыря». Один из них что-то показывал пальцами остальным.

Муму неуклюже протиснулся рядом с ними и будто случайно толкнул самого тошего локтем в спину. Бедняга потерял равновесие и, падая, легонько зацепил раму картины.

– Ой, простите, пожалуйста! – Дорогину и в самом деле было очень неудобно потревожить кого-то, пусть даже ради эксперимента. – I'm so awfully sorry.

В тот же миг в зале появились несколько охранников. Они сразу бросились именно к «Трем богатырям». Бедный японец начал извиняться.

«Значит, сигнализация работает исправно, – сделал вывод Дорогин. – Умная система, чтобы ее отключить, надо в ней хорошо разбираться».

Наконец он дошел до зала № 60. Именно здесь висела знаменитая «Троица» вместе с другими работами Рублева. У входа в зал дежурила статная дама не первой молодости.

– Доброе утро, – поздоровался Дорогин, и в ответ получил ее вежливую дежурную улыбку.

Муму долго вглядывался в каждую из икон. Он не разбирался в их сложной символике и даже не всегда понимал сюжет. Но при этом его охватывало какое-то странное и удивительно светлое чувство. Как будто эти иконы были окнами в другой мир, без фальши и бесконечной суеты.

Говорят, что «Троица» одаряет смотрящего на нее своим спокойствием. Об этой иконе не хочется думать, хочется просто стоять и долго на нее смотреть.

«Жалко, что я познакомился с этим шедевром при таких обстоятельствах», – подумал Дорогин. И он дал себе слово вернуться сюда сразу после того, как вместо этой фальшивки в Третьяковке снова появится оригинал.

Экспертиза еще не состоялась, но Сергей был почти убежден, что перед ним именно копия. И если даже копия его так впечатлила, то подлинник должен впечатлить еще больше.

Рядом с ним стоял почтенный немолодой человек с длинными волосами и бородой. Он внимательно разглядывал икону, делая какие-то пометки в своем блокноте. «Видно, ученый», – решил Дорогин.

Вдруг этот бородач ненадолго закрыл глаза и как будто погрузился в транс. Муму даже стал беспокоиться за него. Придя в себя, мужчина тут же вышел из зала, доставая из кармана мобильный телефон. Смотрительница проводила его своим вежливым, но строгим взглядом.

* * *

Выйдя из зала № 60, Холмогоров отошел в сторонку и набрал номер своего старого знакомого, доктора наук Лазарева. В динамике долгое время раздавались длинные гудки, потом, наконец, послышалось и вялое «алло».

Закончив осмотр залов икон, Дорогин взглянул на часы. Оказывается, он пробыл в музее уже почти полдня. Но Муму ничуть об этом не пожалел.

– Николай Георгиевич? – бодро поприветствовал его Холмогоров. – Как, не разбудил?

– Да помилуй, барин, – отшутился тот. – Какое «разбудил»? Уже ведь второй час.

– Ну, всякое в жизни бывает. А как она вообще, жизнь?

– Да ты знаешь, что-то скучновато в последнее время. Сплошная рутина.

– Неужели никто картин не подделывает?

– Да можно сказать, сию без работы. Вот разве что фальшивого Левитана на той неделе обнаружил, и то все очень уж паршиво было сделано. Прямо белыми нитками шито. Не уважают эти хануги настоящих профи вроде меня.

– Ну а я вот тебе как раз халтурку хотел подбросить. Думаю, поинтереснее Левитана. Подревнее да поценнее.

– «Троицу», что ли?

– Да спаси господи! Как ты узнал? – удивился Холмогоров.

– Ну, дружище, у меня тоже есть особый дар, а не только у тебя, – бойко ответил Лазарев. – Позвонили вот, дали наводку.

– То есть не я первый?

– Извини, друг, но это действительно так. И конечно, я собираюсь заняться этим делом уже в самое ближайшее время. Думал даже сегодня, но куда-то запропастился заведомо древнерусского искусства. Пытался дозвониться до него, и все никак. Как будто сквозь землю провалился.

Глава пятая

Болдигов поставил будильник на восемь. Трех часов, которые оставались до встречи, ему должно было хватить, чтобы немного прийти в себя и даже успеть поужинать где-нибудь в придорожной харчевне. А десяти часов, которые оставались до восьми вечера, ему должно было хватить, чтобы выспаться. Но не тут-то было. Проснулся он с большим трудом. Голова болела неописуемо, как будто у него в черепе сидел мускулистый силач, который время от времени со всей дури лупил кувалдой по стенкам.

– Надо бы водки накапать... – мляво процедил он, спуская ноги с тахты. – Съездить в магазин, что ли.

Но тут как сквозь пелену ему вспомнился утренний звонок. В одиннадцать, Волоколамское шоссе, 28-й километр, и последние слова майора: «И протрезвей, сука!»

Нет, зависнуть на даче с бутылкой водки сегодня не получится. Надо садиться за руль и думать, как объясниться с Колбышевым. Значит, вместо магазина придется посетить аптеку.

Крепкий чай с сахаром делал свое дело. Болдигов начинал приходить в себя. Краем глаза он взглянул на календарь с изображением «Троицы», который висел на стене, и тут же хлопнул себя ладонью по лбу: «Мать твою за ногу, это ж уже послезавтра я собирался лететь в Париж!»

Билет на самолет по-прежнему не был куплен. Покупать его прямо перед отлетом намного дороже, чем даже всего за сутки.

Хотя Болдигов понимал, что не об этом сейчас ему следует думать и беспокоиться. Грозный майор, про которого он уже успел забыть как про страшный сон, вдруг снова нарисовался на горизонте.

«Ничего, – подумал Болдигов. – Сегодня все вопросы решу, дома отосплюсь как следует, а завтра с утра побегу за билетом. И уже часа в два дня буду в Париже. Сразу в барчеллу зайду, закажу мартини, буду смотреть на фланирующих дам. Вот здорово!»

Болдигов налил себе из заварника еще чаю, покрепче. Руки у него заметно тряслись. В таком состоянии было боязно садиться за руль.

– Ну да ладно, как-нибудь справлюсь, – успокоил он самого себя. – Главное, сразу подготовить деньги на взятку гаишникам.

Путь к Волоколамскому шоссе был долгим. Болдигов старался не выпендриваться и не особо превышать скорость. На спидометре было всего девяносто, а крутые тачки то и дело обгоняли его на скорости в сто пятьдесят.

Болдигов засмотрелся на шикарный белый «лексус», который обгонял его на МКАД. Как раз в этот момент пассажир «лексуса» давал кому-то инструкции по своему айфону:

– Главное, чтобы наверняка и чтобы все чисто было.

– Да, я все понял.

– Если будут следы, гони джип в гараж... ну, ты знаешь куда, и пусть Петруха со всем разберется. Но остановись и посмотри сразу, понял?

– Не бойсь, шеф!

– Ну давай, брателла, я в тебя верю!

– Спасибо.

«Лексус» стремительно обогнал машину Болдигова и затем перестроился в его ряд, оказавшись прямо перед капотом. Допотопная «хонда» перед «лексусом» ехала очень медленно, и тому пришлось резко сбросить скорость.

Болдигов продолжал движение как ни в чем не бывало, раздумывая о том, когда же он сможет позволить себе такую тачку. А до нее уже оставались считанные сантиметры. Болдигов резко нажал на тормоза и чуть не впечатался головой в лобовуху.

К счастью, обошлось, машины благополучно разъехались. Болдигов радостно выматерился.

Конечно, он даже не подумал о том, что эта авария – если бы она все-таки случилась – могла спасти ему жизнь. Но разве может человек ведать обо всех сложных причинно-следственных связях, которыми пронизан этот мир?

Спустя пару километров Болдигов вспомнил о том, что собирался поужинать. Он стал выискивать на обочине подходящий объект придорожного сервиса.

Уплетая борщ, Болдигов снова подумал о Париже. Радостное восприятие жизни потихоньку к нему возвращалось, но, увы, ненадолго.

* * *

«Что ж, кажется, теперь все ясно, – заключил Муму, швыряя окурок в урну возле безлюдной проходной какого-то завода. – То есть ясно, что ничего не ясно. Но ясность – это всегда хорошо».

Он выбрался из своей берлоги ближе к вечеру, чтобы подышать свежим майским воздухом и переварить добытую прошлой ночью информацию. Она была весьма скудной. Но все же имела некоторое отношение к делу.

«Этот жирный кролик, которого мы вчера пощекотали за яйца, – мелкая сошка, – продолжал размышлять Дорогин. – Как и тот мент, с которым мне в самом скором времени надо бы познакомиться».

Муму специально выбрал для прогулки самые безлюдные места. Уличный шум мыслительному процессу не способствовал.

Поблизости от квартиры, которую снимал Дорогин, начиналась промзона. Рабочий день уже давно закончился, и теперь здесь не было ни души, как будто цивилизация давно покинула эти края.

«Это клубок ниток, – думал он, – и его предстоит распутать. Главное, чтобы ниточка внезапно не оборвалась. Как говорил Остап Бендер, главное – не умирайте от удара».

Дойдя до угла серого забора, Дорогин повернул направо, раздумывая о планах на завтра. Опер со стажем – это задача посложнее, чем научный сотрудник. И здесь необходим особый подход.

Улочка привела его к развилке. Направо была Третья Фабричная – название многообещающее. Налево – Байкало-Амурская. Дорогин выбрал северную романтику.

На окраине промзоны находился зачуханный интернат какого-то вуза. Проходя мимо, Муму уловил жуткие запахи из кухни и услышал китайскую речь.

«Да, бедные, сложно им здесь акклиматизироваться», – с сарказмом подумал он.

Судя по всему, причиной запахов из кухни была селедка, которую представители некоторых народов предпочитают употреблять именно в жареном виде. Представив себе такое блюдо, Дорогин поморщился. Но, с другой стороны, выходец из джунглей, возможно, так же отреагировал бы на наши котлеты.

Длинный майский день уже близился к завершению. Кусты сирени распространяли романтический аромат. Дорогин с удовольствием окинул взглядом парочку юных азиатов, сидящих под ними на лавочке.

«Да, для них это двойная романтика, – подумал он. – Первая любовь в Москве, где все по-другому и даже селедку никто не жарит».

Проходя мимо, Муму из деликатности постарался не смотреть в сторону влюбленных, но все же обратил внимание на то, что парень-то на самом деле был славянской внешности. То есть явно из здешних.

«Это не двойная, а даже тройная романтика! – решил он. – Любовь, невзирая ни на что. Любишь меня – люби и запах жареной селедки. Или, наоборот, хот-дог с майонезом. Или что там у русских сейчас считается национальной кухней?»

Дорогин уже почти дошел до конца аллеи, когда ему навстречу вдруг бодрым шагом вышла толпа скинхедов. Муму отступил в сторону. Бритоголовые прошли мимо, не обратив на него никакого внимания. Он посмотрел им вслед.

«Через эти лысые затылки как будто просвечивают мозговые извилины, – отметил Дорогин. – Или, вернее, одна, причем прямая».

Судя по бравому виду лысых ребят, они появились в этом захолустье не просто так, а по делу. Дело у них здесь могло быть только одно: скопом мочить бедных узкоглазых студентов. Это, по их мнению, являлось признаком смелости, благородства и превосходства белой расы.

«А слабо зацепить какого-нибудь коронованного вора Гиви Полосадзе? – подумал Муму. – Конечно, слабо! Полосадзе их быстро исполосует».

Дорогин прекратил свой моцион и с интересом ждал развития сюжета. А оно было вполне предсказуемым.

«Что ж, кажется, у меня будет незапланированная тренировка, – подумал он. – Очень хорошо, а то от этой скучной жизни можно и потерять форму!»

Тем временем скины оцепили плотным кольцом лавочку с влюбленными. Минуту-две они просто стояли, сверля своими взглядами бедную парочку. А Ромео и Джульетта не находили себе места от этих взглядов.

«Ну, сволочи, испортили молодежи вечер!» – зло подумал Дорогин.

Муму уточнил численность потенциального противника – восемнадцать. Самый раз, не много и не мало. Будет возможность проявить тактическое мышление.

Затем он окинул быстрым взглядом окраины. Прямо за лавочкой был невысокий кирпичный забор, а за ним начинались ровные ряды гаражей. Лучше и не придумаешь.

Тем временем скины перешли к активным действиям. Их вожак смачно сплюнул, стараясь непременно попасть на лицо девушке и, ухмыляясь, произнес:

– Слышь, ребята, а тут зоофил в натуре! Обезьяну целует!

Бритоголовые дружно заржали. Фюрер вдохновенно продолжал:

– Я вот понять не могу, как можно обезьяне клитор лизать. Давай, может, ты нам покажешь. А пацаны тут заценят.

– Пойдем отсюда, – сказал парень своей Джульетте.

Китайка проворно вскочила на ноги. Держась за руки, влюбленные попытались ретироваться.

– Куда ж ты, сука, спешишь? – ерничал вожак.

– Эй, друзья, вы... – проямлил парень.

– Какие мы тебе друзья, на хер! Ты – предатель своей расы. Таких, как ты, наши в сорок первом на столбах вешали. Жаль, не весь этот генофонд истребили гребаный, если белые люди посреди Москвы с обезьянами целуются.

Отряд дружно рассмеялся шутке.

– Что вы от нас хотите? – парень был готов расплакаться. – Мы же вам ничего не сделали!

– Раздевайся! – приказал командир. – И подруга твоя тоже пусть нам сиськи покажет.

Переведи, если по-человечески не понимает.

– Что? – опешил парень.

– Что слышал, сраный ублюдок! А пацаны тебе в ладоши похлопают.

– Да ну, ребята, вы...

– Считаю до трех! На счет три... Или завтра вас в тех кустах и найдут.

– Ну пожалуйста...

– Один.

Мускулистый крепыш, который стоял справа от жоака, эффектно щелкнул подтяжками. Бедная девушка испуганно смотрела на парня.

– Два.

Крепыш вытащил из-за пазухи своего бомбера резиновую дубинку. Девушка прижалась к парню и затряслась в рыданиях.

– Два с половиной...

Судорожными движениями девушка стала расстегивать на себе куртку.

– Вот, смотри, обезьяна и то понимает! – ухмыльнулся жоак. – Доведешь ее до оргазма у нас на глазах – так и быть, убивать не будем.

Но в этот момент он краем глаза заметил приближавшегося к стае странного мужчину.

– Му, – промычал тот, держа между пальцами правой руки незажженную сигарету. – Мумуму-му мумуму...

– Ой, немой, что ли? – удивился жоак. – Чего тебе, недоносок? Прикурить, да? Бойцы, дайте ему огонька, и пусть валит отсюда, пока жив.

В этот момент Дорогин пристально оценивал обстановку. План действий вырабатывался на ходу.

«Сначала надо вырубить жоака, – решил он. – Рядовые шакалы думать вообще не умеют». Но сразу понял, что для этого случая вариант неподходящий. Одним ударом битву все равно не выиграть. Значит, первым делом надо нейтрализовать самого опасного противника.

Какой-то щуплый пацан протянул ему зажигалку. Держа сигарету в левой руке, Дорогин склонился над огоньком. Он прикуривал необычно долго.

– Эй, ну харэ уже, слышь, отморозок! – нетерпеливо воскликнул жоак. – А то нам всю веселуху испортишь.

Муму по-прежнему сосредоточенно прикуривал.

– Давай в себя всасывай, если курить не научился, – добавил кто-то из толпы.

Дорогин снова замычал и согласно кивнул головой. Широкоплечий крепыш почесал за ухом своей дубинкой и сделал шаг вперед.

В следующий момент он уже распластался на асфальте. Дорогин бил наверняка. Удар метил в переносицу и попал прямо в яблочко. Стопроцентный нокаут. Рефери мог бы досчитать не только до десяти, но и до ста. Туша весом в полтора центнера все это время оставалась бы неподвижной.

Парнишка, который давал Дорогину прикурить, тут же получил локтем по челюсти. Добавки ему не понадобилось. Через секунду от боли взвыл и еще один из скинов – правая нога Муму вышибла ему коленную чашечку. Опустив ту же ногу на землю, Дорогин сделал резкий толчок и с разворота нейтрализовал того «арийца», который опомнился быстрее всех и первым бросился в атаку. «Ариец» был низкорослым, и пятка Муму впечаталась ему прямо в ухо.

«А у этого толстого мордворота была дубинка!» – вспомнил Дорогин.

Дубинка лежала рядом с тушей и, к счастью, не была придавлена ее огромным весом. Муму быстро подхватил резиновое оружие и тут же опустил на чью-то лысую голову.

«Это уже пятый, – сосчитал он. – Осталось еще тринадцать».

На эффект внезапности рассчитывать больше не приходилось. Дорогин и так выжал из него все, что мог. Противник быстро преодолел шок и перешел в контрнаступление.

– Рудольф, заходи слева, – командовал жоак. – Ганс, цепью ему по ногам.

Когда враг пошел в атаку, Дорогин попятился, всеми силами пытаясь имитировать страх.

– Ага, сука, зассал уже, да! – радостно воскликнул самый смелый из нападавших – то ли Ганс, то ли Рудольф.

Дорогин бросился бежать к ограде. Скинов охватило приятное предвкушение скорого реванша.

– Чур я первый, этот пидор мой! – закричал тот самый смельчак.

В экстазе преследования он на пару метров оторвался от основной толпы, но тут же за это поплатился. Муму вдруг остановился, развернулся, свалил его меткой подножкой и тут же добавил дубинкой по темечку. Перед тем как рухнуть мордой в грязь, бедняга успел лишь испуганно вскрикнуть.

Те, что бежали за ним, ненадолго остановились. Дорогину эта пауза была нужна как воздух. Две секунды замешательства противника – и он уже забрался на кирпичный забор.

Краем глаза Муму оценил обстановку в тылах. Среди гаражей не было ничего подозрительного, разве что какой-то мужичок смотрел на него странным взглядом, оторвавшись от ковыряния в своем «пассате».

Дорогин сделал вид, что он собирается спрыгнуть с забора на сторону гаражей.

– Уйдет, сука! – закричал вожак. – Бойцы, вперед!

Муму вдруг повернулся к врагам лицом. В этот момент один из них как раз вскарабкался на забор. Удар дубинки в область виска – и нападавший свалился вниз как мешок с мукой.

«Уже седьмой! – отметил Дорогин и еще подумал: – В таком деле важно вести строгую бухгалтерию, а то можно забыть кого-нибудь».

Тем временем десяток скинов уже активно штурмовали забор. Дорогину ничего не оставалось, как сделать ноги. Он побежал между гаражами и на первом же повороте свернул направо, ища удобное место для засады. Коренастый мужичок с интересом наблюдал за происходящим.

Вожак тем временем командовал карательной операцией:

– Вы, четверо, по этой улице и вперед! Рудольф, бери пацанов и прочеши правую улицу. Не уйдет, сука, я эти места знаю, здесь ему уходить некуда. Давай, Рудольф, вперед, а ты, Петя, давай сюда.

Высокий долговязый Рудольф в их группировке был старожилом. Кликуха досталась ему от кумира – знаменитого нациста Рудольфа Гесса. Парню казалось, что он даже внешне на него похож.

Вслед за Рудольфом по проходу между гаражами засеменили трое малолеток. Сегодня у них было боевое крещение, и поэтому они откровенно трусили. Зато завтра будет что рассказать одноклассникам в хабзе.

Маленькая группа быстро дошла до конца прохода. Дорогу им перекрывала глухая стена какого-то амбара.

– Э, здесь тупик, – крикнул Рудольф. – И этого хера здесь нету.

Но Дорогин сам решил напомнить о себе. Он буквально свалился Рудольфу на голову с крыши ближайшего гаража.

Рудольф пстрикнул электрошокером, который держал наготове. И в этот же самый миг распластался на асфальте, получив ногой под дых и дубинкой по шее.

Справиться с малолетками для Муму было еще проще. Они настолько трусили, что даже не пытались сопротивляться.

«Теперь надо разобраться с вожаком, – решил Дорогин. – А остальные и сами разбегутся».

Он бросился по проходу в обратном направлении. Но как только сделал первых два шага, сразу почувствовал недоброе. В проходе одна за другой стали появляться фигуры уцелевших бойцов. Впереди был тот самый командир.

– Ну что, антифа хренов, попался, да! – откровенно радовался он.

Муму понял, что попал в ловушку. За спиной у него была все та же стена. Взобраться на крышу гаража он не успеет. Оставалось одно: принять неравный бой.

Муму покрутил в руке дубинку.

– Ну что, парни, может, по одному, а? – предложил он. – Поговорим по-мужски. Кто желает?

Но смельчаков среди них не нашлось. Скины неподвижно стояли, уставившись на Дорогина. Повисла пауза.

– Нет мужиков среди чистых арийцев, да?

И тут вожак завопил:

– Братва, вали его скопом! Вперед!

С дружным боевым кличем скины ринулись в атаку.

Глава шестая

Москва давно живет по принципу «Мир дворцам, война лачугам». Но все равно в городе еще сохранились такие места, где лучше не появляться поздним вечером.

Новенький «лексус» медленно катил по узкой улочке, заставленной «хрущобами», затем свернул точно на такую же улочку, повинаясь указаниям навигатора. Водитель мог надеяться только на него, но в таких краях даже электроника ногу сломит, и порой «приятный женский голос» нес полнейшую чушь.

«И какого хрена он потащил меня в эти гребеня? – негодовал про себя пассажир. – Неужели нельзя было встретиться где-то в центре города? Найти уютный ресторанчик, заказать ВИП-зал. Так нет же, надо было придумывать невесту что, только еще цветочного горшка не хватает, как в фильме про Штирлица. Конспиратор, мать твою, хренов».

Пассажир «Лексуса» был из тех, кто очень редко покидал пределы Садового кольца, и московские окраины он предпочитал лицезреть разве что по дороге в аэропорт. Артемин называл себя коренным москвичом и очень этим гордился. Он рассказывал свою биографию так убедительно, что даже сам поверил в ее правдивость. Хотя легенда Артемину и в самом деле была нужна позарез. Его настоящая биография могла нанести огромный урон деловой репутации.

Попивая виски в кулуарах богемных вернисажей, Артемин охотно и красноречиво посвящал всех желающих в свою семейную тайну. Оказывается, у знаменитого Павла Третьякова был внебрачный сын – плод его запретных и пылких чувств к легендарной художнице Марии Вебер.

– Конечно, я никогда не видел своего знаменитого прадеда, – многозначительно морщит лоб Артемин. – Но я чувствую, что его кровь течет в моих венах.

Эту фразу он произносил с особым московским прононсом. Дамы и господа ему верили. Разумеется, никто из них не знал, что этот акцент Артемин освоил с большим трудом, методом упорных тренировок, потому как еще до тридцати лет жизни для него был характерен южно-русский говор.

Закончив Казанский университет, Артемин, или, точнее, Быченко, как тогда было записано в его паспорте, трудоустроился худруком в маленький сельский Дом культуры. Карьера пошла по накатанной. За семь лет работы он пристрастился к паленой водке и дешевым сигаретам, занял кресло директора клуба (предыдущего направили на принудительное лечение от алкоголизма) и женился на местной красавице Варьке. Она вышла за него по любви, а он женился на ней по залету. Еще одним важным жизненным достижением стали подержанные «Жигули» двадцатилетней давности, но «почти как новые». То есть по местным меркам жизнь удалась. Но Быченко мыслил другими категориями. Отходя после регулярных «подведений итогов», он любил смотреть телевизор. Там часто показывали светскую хронику. Первые российские ночные клубы, первые валютные проститутки, шестисотые мерседесы. На дворе был 1991 год – время великих свершений.

Жизнь, которая долго стояла на месте, вдруг сорвалась с цепи и рванула вперед, будто шальной пес. Но в деревне Ново-Бухтеевка ее пульс не чувствовался. Там не было ни ночных клубов, ни длинноногих красавиц. Зато была паленая водка, ненавистная Варька, расплывшая после второй беременности, и еще пару малолеток, которых можно было иметь не за брюлики, а за бесплатный вход на дискотеку.

Быченко понял: старый паровоз надо менять на экспресс. И если этого не сделать сейчас, поезд безвозвратно умчится. Благо представилась неплохая возможность. Область наконец-то выделила средства на капитальный ремонт Дома культуры – 15 миллионов рублей, которые

стремительно сжирала инфляция. Деньги лежали в сейфе, стоящем в кабинете Быченко. Ключ от сейфа был у него.

В тот день, когда директор клуба должен был заплатить стройорганизации за месяц работ, Быченко исчез, а вместе с ним исчезли и деньги. Спустя пару дней кто-то из рыбаков выловил в реке полинявшую кепку «Чикаго Буле», с которой деятель культпросветработы никогда не расставался. Варька долго плакала и чуть сама не утопилась. Но Быченко было на нее наплевать. Эту страницу своей жизни он считал навсегда перевернутой.

Водолазы пару часов безрезультатно искали на дне реки труп Быченко. Началось следствие. Милиция мусолила это дело два года, а потом закрыла и забыла. Местные списали все на каких-то залетных чучмеков, а потом тоже забыли. В Дом культуры назначили нового директора.

Быченко осел в Челябинске и пустил украденные деньги в ход. Стартового капитала хватило ему для того, чтобы открыть свое дело – небольшое концертное агентство.

Опыт работы в самодеятельности на этом поприще оказался весьма кстати. Из местной молодежи Быченко сформировал свой ВИА. Долго думал, как его назвать, и решил что самый удачный вариант – это «Ласковый май». О том, что ансамбль с таким названием уже существовал, он, конечно же, знал, но не придавал этому большого значения. В те годы по России-матушке и ближнему зарубежью колесили не меньше десятка «маев», и появление еще одного не сильно увеличило статистику. Тем более что все «май», и настоящие и не очень, давали концерты под одну и ту же фонограмму.

Двухмесячный чес по области принес Быченко первые приличные деньги. Обычно после концерта багажник его «Жигулей» был доверху забит десятирублевыми купюрами – безналу тогда не доверяли. Небольшую часть продюсер выдавал самодеятельным артистам на мороженое, а остальное отвозил местным валютчикам, получая вместо чемодана рублей пару столларовых бумажек.

Первый облом в его карьере случился, когда в Челябинск добрался настоящий «Ласковый май», тот, которым руководил Андрей Разин. Билеты на концерт продавались крайне плохо. Московские организаторы этому удивились и стали искать причину. Как выяснилось, за последнее время «Ласковый май» выступал в Челябинске уже трижды, и людям просто надоело ходить на его концерты. Естественно, о таком «Ласковом мае» сам Разин ничегошеньки не знал.

После этого у Быченко было три варианта: или оказаться в тюрьме, или быть закатанным в бетон, или дернуть из Челябинска, не дожидаясь развития сюжета. Разумеется, он выбрал третий вариант. Он снова взялся за старое. После успешной организации тура фальшивого Жени Белоусова по Рязанской области Быченко получил моральное право завести себе «мерина» и малиновый пиджак. Но его такая перспектива не особо прельщала. Как и многие жители периферии, он мечтал об огнях столицы.

«Лексус» продолжал свой путь по темным улицам. Раздумья его хозяина прервал звонок. Номер был незнакомым, но Артемин сразу понял, кто решил его потревожить.

– Все в силе? – спросил незнакомец вместо приветствия.

– Да, в силе, я уже на подъезде.

– Какая у вас машина?

– «Лексус», а что?

– Я так и думал, что не «Жигули».

Человек на другом конце трубки немного картавил, и в его голосе неизменно присутствовали едкие нотки.

– Оставьте свою машину за квартал до пивной, на перекрестке с Денисовской, – инструктировал он. – Возле того шалмана «лексус» будет выглядеть странно.

«Точно Штирлиц недоношенный, мать твою!» – выругался про себя Артемин.

– Вам все ясно?

– Все ясно, – Артемин решил не спорить. – В следующий раз специально для встречи с вами куплю «Жигули».

– А что, хорошая идея!

– Как я вас узнаю? – Артемин перешел к делу.

– Я люблю почитать Дюма за кружкой пива. Больше там Дюма никто не читает, так что не перепутаете.

– Договорились.

Унылые пейзажи за окном «лексуса» напомнили Артемину те старые недобрые времена, когда он действительно ездил на «Жигулях». Вообще, Быченко не любил предаваться воспоминаниям – с тех пор как он выбрался из колхозного навоза, его девизом было «Вперед – и только вперед!».

Вот и сейчас ему предстоит еще один важный шаг. Тот, к которому он чуть ли не всю жизнь готовился – как атлет готовится к чемпионату мира. Если повезет, то из просто состоятельного человека Артемин превратится в настоящего миллионера. Все пока шло по плану, без сбоев и проколов. Он верил, что так оно пойдет и дальше.

– Ну что, далеко еще? – спросил он водилу. Такое длительное бездействие нагоняло на него смертную скуку.

– Не волнуйтесь, Вадим Михайлович, скоро уже приедем. Минут десять, не больше.

– Блин, еще десять минут. Давай уже, поднажми.

Артемин очень не любил сидеть без дела. В такие минуты сразу теряешь жизненный темп. Мозг атрофируется, глаза сами собой закрываются.

Надо было срочно чем-то себя занять. И тут он вспомнил, что как раз собирался позвонить Светке. Она сегодня так и не отчиталась.

– Вадим Михайлович, любимый, здрасте, – затараторил в трубке бодрый девичий голосок. – Совсем уже соскучилась без твоих объятий.

– Вот я про тебя и вспомнил. Ну как там у твоего Мити делишки? Когда уже будет?

– Трудится бедняжечка в поте лица. По двенадцать часов в лаборатории сидит.

– А результат?

– Ну, пока нету. Но он старается.

– Пусть по пятнадцать сидит. Мне результат нужен. Чтобы к концу недели можно было уже опытный образец покрывать.

– Так точно! Я уж на него поднажму. Скажу, что «десерта» не получит, пока он товар лицом не представит.

– А вот это мысль!

– Ну, а мы когда с тобой? Ты, вообще-то, обещал мне романтический ужин. Я его, кажется, заслужила.

– Ну, не совсем. Ты заставляешь меня ждать.

– Но тогда хотя бы авансом.

– Придется поменять романтический ужин на шведский завтрак. Времени нету. Закручиваюсь в делах.

– Ну ладно, пусть завтрак, но только с тобой.

– Хорошо, сегодня Коля за тобой заедет, – Артемин на эти нежности реагировал довольно сухо.

– Эх, какие вы все, мужчины!

– Какие есть. Ладно, до скорого. Некогда болтать.

Закончив разговор, Артемин поморщился. Он не любил сюсюкаться с женщинами. Он предпочитал с ними чисто деловые отношения, как, впрочем, и со всеми остальными тоже. Тем более со Светкой у них все именно так и складывалось. Это был тактический союз в чистом

виде, и любовные свидания перерастали в деловые randevu. Их судьбы были в чем-то похожими. Только с небольшой разницей во времени – примерно в двадцать лет. Светка была звездой самодеятельности деревни Вытюг Белгородской области. Местные парни считали ее первой красавицей. Но амбиции у этой девахи распространились далеко за пределы родного села. Глядя на «мыльные» телесериалы, она всякий раз думала: «А ведь и я могла бы там играть... Ну правда, чем я хуже?»

Но карьеру актрисы Света так и не построила. Экзамен в ГИТИС был провален по всем статьям. На ее портфолио, сделанное вытюжским фотолобителем, не отреагировало ни одно агентство. Десять тысяч рублей, которые дала ей с собой в дорогу заботливая мать, в Москве разлетелись за неделю. Оставалось только возвращаться домой несолоно хлебавши.

Но бедная Золушка решила не сдаваться. Она поняла, что за свое жизненное счастье придется бороться, и была готова использовать любые средства для достижения цели.

Светлана осталась в Москве. Благодаря своим внешним данным она быстро устроилась в пип-шоу. Однажды девушка вспылала чувствами к одному из нетребовательных клиентов – лысому низкорослому бизнесмену средней руки. Сама подошла к нему и предложила продолжить знакомство. Дядя был на седьмом небе от счастья. Он и не думал, что в паре с красивой статной блондинкой он выглядел особенно комично.

Деревенская красавица впервые смогла насладиться всеми выгодами столичного быта: рестораны, спа-салон, хорошая еда. Но этого ей было мало. Оставаться банальной содержанкой какого-то карлика Светлана не желала. Для нее это была просто очередная ступенька ее восхождения на Олимп. Света искала возможность перепрыгнуть в постель к тому, кто действительно способен помочь ей на этом нелегком пути. И в конце концов такой человек нашелся.

Свете был нужен продюсер. Артемину была нужна женщина для плотских утех, желательно помоложе. Продвижение новой звезды явно затянулось. Вадим Михайлович продолжал кормить ее обещаниями, но толку от них было мало. Зато Светлана получила возможность проявить себя в иной ипостаси.

Помимо женщины Артемину был нужен еще и «человек для особых поручений» – а такие всегда редкость. Он сразу оценил актерский талант и цинизм юной провинциалки и сам предложил взаимовыгодное сотрудничество.

* * *

За пятнадцать лет жизни в Москве Артемин успел превратиться из обычного барыги в респектабельного столичного бизнесмена. Этот путь был длинным и тяжелым. Над одним проносом и манерами ему пришлось работать целый год. Зато теперь ничто в нем не напоминало о прежнем алкаше Быченко: ни речь, ни повадки, ни фамилия, ни даже внешность. Толстый нос картошкой пластический хирург смог изменить на куда более подходящий европейцу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.